

Владислав КЛЕВАКИН

ЕРМАК
ТОБОЛ-РЕКА

Новый исторический роман

Владислав Клевакин

Ермак. Тобол-река

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Клевакин В.

Ермак. Тобол-река / В. Клевакин — «Издательство АСТ»,
2023 — (Новый исторический роман)

ISBN 978-5-17-149678-4

Конец 16 века. Сложное и тяжелое время. Западные границы Руси терзают поляки и ливонцы. Южные рубежи тревожит набегами Крымский хан. И только на востоке, у берегов Камы, за Камнем: для Руси открывается новое великое царство. Но сумеет ли казачий атаман Ермак покорить его, сам не сгинув в бесконечных просторах Сибири.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-149678-4

© Клевакин В., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Тура-река	6
Послы с Камы	10
Обская Колумбия	14
Казачий круг	16
Лесной богатырь	21
Улус Карачи	27
Бухарская пленница	31
Узник кремлевских подземелий	34
Строгановы: Аки Христос посуху	40
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Владислав Клевакин

Ермак. Тобол-река

Серия «Новый исторический роман»

Издательство
АСТ

© Владислав Клевакин, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Тура-река

– Ефимка, поди сюда. Подбрось веток в огонь, сынок. – Старый казак перевернулся с боку на бок, сильнее натягивая на себя овчину. – Ох и холодные тут ветра за Урал-камнем, – пробурчал он.

Ветер и впрямь был холодный и быстрый, он, словно по таинственному и темному речному коридору, устремлялся вдоль стены леса, опоясывающего берега реки. Ефимка, худощавый мальчишка в рваном тулупе, случайно приставший к казакам, подбежал к костру и закинул в него несколько рубленых сучьев. Костер запылал ярче, освещая приткнувшиеся к извилистому берегу Туры казачьи струги. Большие и неповоротливые суда были сильно нагружены различным скарбом, отчего их борта чуть ли не касались воды.

– Дядя Митяй... – Ефимка осторожно потрепал за овечью шкуру, которой укрылся старый казак. – А, дядька Митяй...

– Ну чего тебе, бесененок? – Из-за куска овчины высунулась бородастая голова.

– Тут давеча за лесом лошади ржали... – Мальчонка указал на гору за рекой, покрытую вечнозеленым лесом.

– Ну, то вогулы али еще какие инородцы, – широко зевая, ответил казак. – Сбегай, коли не спится, до дальнего дозору, скажи: пущай не зевают.

Ефимка кивнул головой и исчез в темноте.

– Однако странно, да? – пробурчал казак, ворочаясь под овчиной. – Лошади ржали, а от дозора гонца не было. Поди, случилось чего, пожаловали нехристи, а мы тут спим-почаваем, прости, Господи. А как поди нагрянут вогульцы или кучумцы, враз здесь всех во сне и порешат.

Он откинул овчину и протер глаза. Над Турой стелился белый туман. Знать, холода скоро придут. Тура встанет льдом, и придется становиться на зимовье, как на Тагил-реке, что сейчас не входило в планы казачьей экспедиции.

Зима за Урал-камнем приходит рано. Уже чуть успел облететь желтый осенний лист, так начинают пролетать первые снежинки, предвестники скорого ледостава. И на многие версты вокруг лишь поникшая в ожидании лютотой стужи вечнозеленая тайга да пробирающийся до костей вой голодных волчих стай.

Дядька Митяй толкнул ногой казака, спящего неподалеку и издававшего такой махровый храп, словно враз выстрелил с десятков пищалей.

– Серго, вставай, черт усатый.

Казак под овчиной, из-под которой торчали только его кожаные сапоги, даже не пошевелился. Казак Митяй сплюнул на траву остатки табачинки, попавшей в рот, и вновь пнул скрюченную фигуру под овчиной.

– Да поднимайся ты уже. Ишь разлегся он, чай не на печи.

Спящий казак пробурчал про себя что-то ругательное, очевидно, недовольный, что его разбудили в такую рань, и высунул голову. Продрав огромными кулачищами еще сонные глаза, он злобно буркнул:

– Ну чего тебе, дядька Митяй?

Митяй деловито прицепил саблю на ремень и пригладил чуб. Это было единственное из растительности, что росло на его голове с тех самых пор, как он стал вольным казаком. Характер он, как и большинство казаков, имел скверный. Вольная жизнь на Дону вконец испортила его. Сквернословие, пьянство, но при этом быть совершенно набожным было типичным портретом казака того лихого времени.

– Мне-то ничего, – важно ответил Митяй. – Да только чует моя больная спина вести дурные. С караулу у оврага давно из казаков никто не прибегал, – тревожно добавил Митяй. – Ни табаку, ни хлебу не пришел никто поклониться.

– Так там Осипа хлопцы, – зевая, ответил разбуженный казак. – И славные хлопцы, я скажу тебе, дядька Митяй. Чего раньше времени панику поднимать.

– Ну, славные или не славные, о том опосля думать будем, – пробурчал дядька Митяй. – Ефимка слышал в той стороне лошадиное ржание.

Казак Митяй закончил свои приготовления и нахлобучил шапку из овчины. Это было его главное богатство сейчас акромья сабли, пищали да кожаного сидора, в котором он хранил ароматнейший по своему запаху табак.

С Серго мигом слетел сон:

– Поди, кучумцы пожаловали. Мать честная. – Казак отчаянно перекрестился. – Давненько их не видно было.

– Может, и кучумцы, а может, и местные вогулы шалют, – задумчиво ответил Митяй. – Разбуди Ермака да все ему перескажи. А я пока остальных разбужу.

Серго, нацепив саблю, бросился в сторону стругов с криком:

– Ермак Тимофеич, Ермак Тимофеич!

– Да здесь я! – ответил зыбкий голос казачьего атамана. – Чего разорался, как баба худая. Не видишь, казаки спят?

Через несколько минут на борту самого большого из стругов показалась фигура казака в тулупе, накинутом на плечи, и большой меховой шапке с красным околышем на голове.

– Батько, поди, кучумцы объявились, – запыхавшись от бега, прохрипел казак. – Давно наших казаков с того берега не было.

Ермак широко зевнул и поправил кафтан на плечах. Рукоять его сабли ударилась о металлическую пряжку пояса, издав тончайший звук.

– Да не суетись пока, – он окинул взглядом казачий лагерь на берегу. – Может, придут еще. Собираться пора. Рассвет скоро.

* * *

Ефимка тихо крался на свет костра меж вековых сосен и елового лапника, раскинувшего свои косматые ветки по всему лесу. Гуляющий меж стволов деревьев ветер приносил к нему обрывки слов и звуки заунывной песни.

Ветка под его ногой, обутой в старые кожаные чу-ньи, внезапно хрустнула, и звуки словно затихли. Где-то вдалеке меж деревьев кричала сорока, выдавая присутствие людей в лесу. Ефимка поежился. Страшно одному в лесу, вон нарвется он на кучумцев. Но пока было спокойно, кроме приносимых ветром голосов. Но нужно было идти, несмотря на страх.

Ефимка обернулся, пытаясь разглядеть оставленные им на стволах деревьев зарубки, но тьма, поглотившая утренний лес, еще не желала отпускать его из своих цепких объятий. Пламя костра уже явственно просматривалось сквозь стволы деревьев. Часть слов была ему незнакома, другие же напоминали татарский язык. Он тихо подкрался к поляне и залег в одной из вывороченных ветром коряжин.

У костра сидели пятеро мужчин в татарских шапках и в разноцветных халатах, подпоясанных широкими кожаными поясами с кривой саблей. Мужчины тихо переговаривались между собой, то и дело указывая в сторону небольшой ямы, заросшей засохшим с осени папоротником, из которой торчали кожаные сапоги.

Один из сидевших у костра мужчин подбросил в прогорающий костер ветку и поправил кривую саблю на поясе:

– Эмельды говорит, урус пойдет на стругах по Туре до устья Тобол-реки, там на его пути будет улус уважаемого Карачи.

– Если успеет, – ответил сидящий напротив него. – Тобол-река и Тура скоро встанут, как и его струги. Ермаку придется зимовать в устье Тобола, где наши славные лучники смогут

обстреливать его. До весны он никуда не денется. А если мы перережем ему обратную дорогу, то они с голоду сдохнут, собаки.

– Но Карачу надо предупредить, – тихо произнес один из татар, – иначе как с князем Епанчей будет.

Ефимка попытался подползти поближе, чтобы лучше расслышать разговор кучумцев, но часть мерзлой земли, остававшейся на корнях упавшей сосны, предательски осыпалась, едва не выдав его укрытие.

Один из кучумцев привстал, озираясь вокруг.

– Успокойся, Эдербек, – засмеялся один из воинов. – Ты еще не начал сражаться, а уже боишься. До урусов далеко.

– Эдербек ничего не боится, – заявил воин, которому сейчас чуть ли не нанесли оскорбление.

– А ты, Эмельды, следи за языком, не то отрежу, – прохрипел татарин в меховой шапке с ушами из собольих шкурок.

– Во имя Аллаха, – произнес самый старый из ку-чумцев, – прекратите собачиться, иначе вы станете похожими на тех, с кем собрались воевать.

– Пора собираться... – Старый татарин встал и размял онемевшие руки.

Теперь Ефимка мог хорошо разглядеть его. Его жидкая бороденка в свете луны напоминала фигурку черта на табакерке, какую он видел у своих бывших хозяев солепромышленников Строгановых. Ефимка перекрестился. Старый татарин подхватил свой мешок и, прихрамывая, пошагал в сторону оврага.

– Якши, – произнес другой кучумлянин и направился вслед за ним.

– Эдербек, догоняй, – негромко крикнул он.

Один из татар продолжал сидеть у костра, рисуя какие-то рисунки на хвое. Наконец он встал и последовал вслед за ними. На дне оврага раздалось ржание лошадей.

– На конях пришли, видать, стойбище недалеко... – Ефимка тихо стал пробираться сквозь заросли дикой малины в сторону реки, где стояли струги казаков.

Ермак сидел у костра подле одного из стругов.

– Что с дозором, были вести? – спросил он у подошедшего к стругу казака.

– Кучумцы пожаловали, атаман. Заезжие. Разведку вели. Мальчонка наш Ефимка слышал их разговор.

Казак выдвинул из-за спины мальчугана лет двенадцати в рваном тулупе и заячьей шапке.

– Перескажи атаману, что у татар слышал, – он подтолкнул Ефимку вперед.

– Знаешь татарский? – сурово спросил атаман.

Мальчишка утер на носу соплю:

– Знаю, атаман, и еще остяцкий немного.

– Откуда же?

– В плену были у остяков, потом их князь нас Ку-чуму отдал. Потом мы убежали.

– Эвон какой ногастый... – Ермак улыбнулся и потрепал Ефимку за волосы. – Ну, говори, о чем татары говорили?

Ефимка пересказал Ермаку все, что слышал от татар там, у костра.

– Да, плохо дело, браты. – Ермак встал со струга. – Правы кучумцы, день-два, и Тура-река льдом встанет. Нужно нам поспешать к Тоболу и навестить почтенного Карачу. Там и на зимовку встанем.

– Верно, Ермак Тимофеич. Засиделись здесь, – произнес один из казаков.

– Ванька, поднимай народ православный, – крикнул Ермак одному из казаков, развалившемуся на корме струга.

– А ну, казаки, подъем! – громким голосом закричал казак. – Хорош спать.

Он перепрыгнул через борта струга и начал помогать остальным казакам сворачивать пожитки.

– К Караче самому в гости пойдем. Разгуляй ему по морде.

То был один из самых жестких и умелых казаков Иван Кольцов, которого казаки промеж собой нарекли просто: Ванька Кольцо.

Казачий лагерь пришел в движение. Забулькали весла в холодной воде Туры. Взметнулись вверх казачьи стяги и святой Георгий. Над Турой вновь зареял двуглавый орел. Струги отошли от берега и подняли паруса. Холодный октябрьский ветер все дальше уносил их по реке туда, где сливаются Тура и Tobол.

Послы с Камы

Москва. Грановитая палата. Год 1581-й.

– Государь! – В палату зашел посольный. Низко поклонившись, он тихо произнес: – Делегация от купцов Строгановых с Перми Великой.

– Час от часу не легче, – пробормотал человек в черной собольей шубе и кутье, расшитой жемчугом. – Андрейка! – Он пнул ногой слугу, сидевшего рядом. – Почему в палатах плохо топлено, черт бородатый?

Слуга бросился в ноги царю и проревел:

– Так с утра топили, государь.

– Вечер уже! – Царь легко стукнул слугу посохом по спине. – Иди, распорядись, чтобы еще раз затопили. Беда мне с вами. Все отлынить от трудов норовите. Вниз спушу, пусть высекут. Ну да Бог с вами.

Шут, сидевший у трона, видя, что царь отошел от гнева и теперь можно что-нибудь сострить, на четвереньках подполз к царю и взял его за руку.

– Ну, чего тебе, дуралей? – Царь милостиво посмотрел на шута, который сейчас преданно глядел ему прямо в глаза, словно дворовая шавка. – Сказать чего хочешь, так говори.

Шут поцеловал царю руку.

– Ну, полно тебе подлизываться-то, говори: чего хотел?

Шут встал на четвереньки, снял свой колпак и смял его в руках.

– Государь, купцы Строгановы пришли. С челобитною к тебе, государь.

Царь отмахнулся рукой:

– Да знаю я, зачем они пришли. Опять земельки просить, все им мало. Не за пользу престолу радеют. Все мощну свою купцы набить не могут.

– А ты прими, Вань, Строгановых, – не унимался шут, – чай, вести добрые из земли Камской принесли.

– Знаю я, какие вести они принесли... – Царь сел на трон. – Они думают, у батюшки-царя войска много, выручит государь. А у меня вон ливонцы под носом опять войну затеяли. – Царь вытянул руку, облаченную в кафтан, шитый жемчугом, в сторону запада и погрозил пальцем: – Нехристи римские. – Он сжал кулаки и грозно посмотрел на распластавшегося у его ног шута. – А они там со своими татарами да местными народишками справиться не могут, а у меня, почитай, все царство православное о защите молит. Выслушать – выслушаю, но стрельцов не дам. Пушай своими силами управляют. И точка! – Царь стукнул посохом по полу. – Зови их.

Царь помнил распри торговых людей между собой. Пелымский князь со своими людьми в осень 1581 года прямо на Семенов день осадил Чердынь, Канкор и другие чусовские городишки, а Никитка Строганов отсиделся в своем городке Орел, пока нехристи грабили и чинили осаду братьям его Максиму и Семену Строгановым. Меж собой согласия купцы найти не могут, все на царя надеются.

– Батанов, – крикнул Иван Грозный дьяка посольского приказа, – принеси-ка нам жалобную грамоту Семена Строганова на брата своего. Посмотрим, что они на сие скажут. И пусть, наконец, заходят, чего у дверей мяться... – Царь указал посохом на двери.

Двери дворца распахнулись, и в палаты вошли три мужика в соболиных кафтанах, перевязанных шелковыми поясами. Сняв в руках шапки, они отвесили три низких поклона и встали, как истуканы, опустив глаза в пол.

– Проходите, коли пожаловали, купцы.

Строгановы сделали шаг вперед и застыли.

– Сказывайте, с чем пожаловали... – И царь подал знак рукой.

Никита Строганов прокашлялся. Увидел так близко царя, и к его горлу подкатил ком, лоб покрылся испариной. Не в силах что-либо выговорить, он толкнул брата рукой:

– Говори, Максим, царь ждет!

Максим встрепенулся. Поначалу его глаза судорожно бегали по царским палатам, словно ища укрытия от неминуемого гнева, но затем он успокоился и, в очередной раз поклонившись царю, произнес:

– Народ православный, что по берегам Камы живет, да и мы, купцы, государь, просим у тебя защиты, покровительства и содействия в делах наших торговых.

Глаза царя налились злостью.

– Стрельцов не дам! – крикнул он. – Почитай и так деревеньки обезлюдели после Ливонской.

– Знаем, государь. – Строгановы вновь отвесили поклон. – Просим тебя не за вотчины наши, а за землю новую, за сибирскую, что казну твою пополнит изрядно и веру нашу за Урал-камень принесет.

– Казну наполнит, говоришь? – Царь переменялся в лице.

Хитер был Иоанн Васильевич. Еще тогда, четверть века назад, в 1555 году послы сибирского хана Едиге-ра привезли ему грамоту и прошение принять Сибирь под свою сильную руку вместе со всеми улусами и народом. Но без военной операции это было вряд ли осуществимо. Москва только взяла под свою руку Казань и Астрахань.

«Но стоит ли говорить об этом сейчас Строгановым?»

– А велика ли та земля сибирская, а, купцы? Сколько с нее дохода можно брать? – Царя явно заинтересовало предложение Строгановых.

– Сколь возьмешь, государь, все твое, – продолжал Максим. – Только у самих нас силы-то не хватит землю такую у Кучума-хана отобрать да людишек православных за Урал-камень расселить.

– Об том после! – Царь поднял руку, показывая купцам, что ему нужно подумать.

Иван Васильевич подошел к зеркалу. Седые волосы выбивались из-под кутьи нечесаными прядями.

– Старею, старею, купцы, некому государство доверить. – Царь обернулся к иконам и перекрестился. – А было время, хорошо гулял Иоанн Васильевич по землям Московским.

– Ну, – Максим толкнул Семена в бок, – говори, видишь, царь сомневается.

– Государь, дозволю молвить? – Младший Строганов сделал шаг вперед.

– Ну, – царь поднял глаза на него, – говори.

– У прошлом годе купцы аглицкие в Соль Вычегодскую заезжали. Ищут путь за Урал-камень и в Сибирь, говорят, хороший подарок та Сибирь ее величеству королеве Лизавете будет.

На царя нахлынул внезапный приступ ярости. Он бросил посреди зала посох и подбежал к Строгановым. Схватив Семена за грудки правой рукой, он сложил пальцы левой в кукиш:

– Шиш ей, Лизавете, а не Сибирь! Сами возьмем! Казань и Астрахань взяли, и с Сибирью, даст Бог, управимся.

– Так и мы о том, государь... – Строгановы облегченно выдохнули и переглянулись.

– Ну, вот видишь, а не токмо помощи просить могут купцы! – Царь указал шуту на Строгановых.

Шут, весело взвизгнув, перевернулся через голову:

– Лизка, девка дворовая! Не нам, государям Московским, чета! – Он скорчил в зеркало рожу и разлегся у трона.

– Не токмо помощи, государь.

Максим сделал знак. Двери в палаты открылись, и слуги Строгановых положили у трона большую связку соболиных шкур. Здесь были и темно-бурые, и светлые соболя, и лисы

шкурки, тщательно выделанные охотниками из пермским племен, заселявших берега Камы и Вишеры. У ног царя поставили небольшой сундук, доверху наполненный пермяцкими украшениями из золота и серебра. Большая золотая тамга, в которую было вставлено несколько драгоценных камней, переливалась в свете солнечных лучей, проникающих через маленькие окна царских палатей.

Царь прикрыл рукою глаза:

– Вижу богатство немалое, купцы.

– Велика земля за Урал-камнем, – молвил Максим, – и тебе, государь, с той земли большой прибыток будет. Только не оставляй детей своих без царской милости. Помогите казачками, государь, а мы уж, государь, тебе земли Сибирские как на блюде принесём.

– Складно говоришь, Максим... – Царь подошел к столу и налил в бокал студеного морса. – Будут вам казачки. Самые отважные, что есть в государстве моем. Садись, пиши! – И царь указал посольскому дьяку на стол.

– Кому писать-то, государь? – Посольский дьяк вопросительно уставился на царя.

– Пиши так: верному нашему служивому человеку, старейшине круга казацкого атаману Ермаку Тимофеевичу. Просим тебя не мешкая собрать дружину казацкую и идти на Каму-реку к торговым людям Строгановым. Печать и подпись. А вы, купцы, снарядите атамана нашего, хлеба и пушек, ядер пушечных без меры дать, ничего не жалеть для дела.

Царь довольно хмыкнул и подошел к зеркалу. Скорчив кривую рожу, он вновь соорудил кукиш, ткнув им прямо в зеркало:

– Хрен тебе, Лизавета, а не Сибирь.

Строгановы рассмеялись.

– Цыц мне! – Царь повернулся к купцам. – И чтобы казачки не жаловались, что недодали им купцы заряда пушечного али хлеба. Без меры дадите!

– Как можно, государь? – Строгановы склонили головы. – Все сделаем, как велишь!

– Ну а с вами мы опосля о награде и вотчинах поговорим. Не обижу.

Царь подошел к окну.

– Максим, – кликнул он одного из братьев, – поди сюда. Чего видишь?

Максим нерешительно подошел к царю и выглянул в окно. На стеленной листованной мостовой стояли трое англичан и о чем-то ожесточенно спорили между собой.

– Негоцианты аглицкие, государь, – произнес Максим.

– То-то же, – царь кивнул головой. – Учужали, собаки, что земелька Сибирская из-под ног уплыть может. Повезут Лизавете восточку, а там и эшпедицию в Сибирь снарядят.

– И что делать, государь? – Максим виновато посмотрел на царя.

– Не мешкать, – сурово произнес царь. – Как придут казаки, так и в поход отправляйте.

– Поняли. – Строгановы кивнули головой и поклонились.

– А теперь ступайте.

Царь сел на трон и крепко задумался. Война с Кучу-мом дорого бы обошлась казне. Да и ливонцы никак не успокоятся. Снаряжать экспедиции в Сибирь – значит оголить западную окраину государства, а тут эвон как вышло, купцы сами в ноги поклонились. Почему же не взять земельку, коли они за свои деньги снарядят казачков? Такого рода убытки и казна стерпит, и казачкам работа. Нечего им по Волге шастать да разбойничать.

От размышлений царя оторвал посыльный. Он ворвался в палаты, словно ураган. Упав на колени, посыльный тихо произнес:

– Государь, владыка митрополит к тебе.

Царь удивленно поднял бровь. С чего бы? Он и раньше в мирских делах с митрополитом не советовался.

– Ну, раз уж пришел владыко, то примем.

Шаги митрополита по дворцу были слышны издали. Митрополит прошел в палаты к иконостасу и три раза перекрестился. Было слышно, как митрополит тяжело дышит: постоянные разъезды по дальним монастырям подорвали его здоровье. Буквально за несколько лет он превратился в дряхлого, вечно кашляющего старца.

– Слышал я, государь, ты дело великое затеял. Землю Сибирскую под свою руку взять решил.

– С Божьей помощью, владыко. – Царь сошел с трона и подошел к митрополиту. – Отправлю, владыко, казачьи отряды к торговым людям Строгановым. Пушай они снарядят да отправят казаков за Урал-камень.

– Что ж, дело богоугодное, – произнес митрополит и, повернувшись к иконам, вновь перекрестился.

Царь сел за стол и хлопнул ладонью по скамье:

– Садись, владыко, поговорим.

Митрополит сел рядом с царем. Царь сделал небольшую паузу и посмотрел на митрополита. Да, возраст давал о себе знать, лицо митрополита было покрыто мелкими темными пятнами.

– О митрополии Сибирской пришел поговорить, владыко?

– Верно, государь, о ней самой.

– Так рано еще, владыко. Под Кучум-ханом пока Сибирь. – Царь тяжело вздохнул. – Как Бог управит, так и о митрополии думать будем. А тебе решать, кого на кафедру ставить.

– Вань, а Вань? – в палаты влетел шут. – Вели Лизавете посольство великое слать.

– Это еще зачем? – Царь сердито посмотрел на шута.

– Как зачем, Вань? – не унимался шут. – Подарки слать. Я уже все приготовил. – Шут протянул царю деревянную шкатулку, покрытую резьбой. – Посмотри, государь, хорош ли подарок?

Царь поднял крышку шкатулки. Лицо царя приняло удивленное выражение, сменившееся на громкий хохот. В шкатулке лежали кукиш, слепленный из черного хлеба, и клочок бумаги. Царь развернул и прочел:

– Шиш тебе, Лизавета, а не Сибирь.

Поначалу его глаза налились гневом, но затем уголки губ поднялись, и он хрипло рассмеялся.

– Взгляни и ты, отче, – ехидно заулыбался шут.

Митрополит осторожно заглянул в письма и тоже расхохотался. Царский шут был сегодня в ударе. На него нашла какая-то неведомая дурость, переплетающаяся с остроумием. То ли визит Строгановых на него так подействовал, то ли приход митрополита. Про то царь не знал. Он лишь протянул руку с массивными перстнями на пальцах и ласково потрепал шута за ухо.

– Дурень! Разве можно так с царскими особами обращаться.

Обская Колумбия

За год до поездки Строгановых в Москву к Ивану IV.

– Ваше величество! – Лорд Лесли, сорвав широкополую шляпу, сделал реверанс. – Кажется, наши корабли нашли более короткий путь в Китай, минуя Африку.

– Поясните, лорд.

Елизавета сошла с трона и подошла к окну дворца.

– Если идти вдоль северного побережья Московии, то можно попасть в залив, который мы хотим назвать в честь вашей матери, королевской особы: залив Святой Анны. Не правда ли, красиво звучит? – Лорд сделал подобострастное лицо, пытаясь угодить этой остролицей женщине в строгом черном наряде.

– Мне не важно, как это звучит, лорд, – обернулась она. – Гораздо важнее, что дает это английской короне.

– Ваше величество, – граф Лесли расплылся в улыбке, – минуя этот залив, мы попадаем в большую реку, которую дикари в оленьих шкурах, проживающие по ее берегам, называют Обва. Московиты же... – Граф осадился. – Впрочем, нога московитов еще не ступала на ее берега. – Лорд поморщился: – Но царь Иван уже дотянул до нее свои жадные руки.

– Ах вот как, – королева всплеснула руками. – Наш царственный брат, конечно же, не упустит такую возможность. Снарядите один галеон и два когга для прокладки лоции и нанесения на карту.

– Это проще простого, ваше величество, но есть одна заминка. – Лорд развернул карту на столе. Он провел тонкой деревянной палочкой вдоль синей линии: – Вот этот залив, река Обва, в которую впадает другая река, Иртыш, далее, очевидно, есть другая река, которая и ведет в китайскую империю Мин.

– Очевидно? – Королева вопросительно уставилась на лорда.

– Дело в том, ваше величество, что выше по течению расположено царство хана Кучума. Он не пустил наш разведывательный корабль.

– Кучум, Кучум... – Елизавета поморщилась, пытаясь вспомнить, где же она слышала это имя.

– Он нарек себя ханом Сибири, этих бескрайних и богатых земель, – попытался не утруждать ее внимание лорд Лесли. – Он, кстати, ваше величество, потомок Чингисхана.

– Ах да, припоминаю. – Елизавета улыбнулась. – Дикарь и к тому же магометанин. Впрочем, это неважно, мой добрый граф. – Королева подошла к столу и поддела кончиком ножа устрицу на фарфоровой тарелке. – Если этот дикарь будет полезен нам, чтобы оставить в дураках брата нашего Иоанна, цезаря Московии, то используйте его. Деньги на экспедицию получите у лорд-казначея.

– Ваше величество, вы, как всегда, неожиданно прекрасны, – лорд приложился губами к протянутой Руке.

– Моя неожиданность лишь свидетельствует о том, что я забочусь о своих подданных и о короне. – Королева надменно подняла острый подбородок. – Как говорится в Святом Писании, «у Господа нет других рук, кроме наших». Так будьте же этими руками, граф. Кого вы намерены послать?

– Командора Артура Пета и сэра Чарльза Дженкинса, – отчеканил лорд Лесли.

– Достойный выбор. – Елизавета улыбнулась. Она сняла с пальца перстень и протянула его графу. – Это вам за старания. Носите с честью, но не забывайте об обязанностях перед короной.

Лорд Лесли склонил голову:

– Я не забуду, ваше величество.

Казачий круг

Полуденное солнце клонилось к закату, окрашивая бескрайнюю степь в красный цвет. Дикие журавли, сбиваясь в клин, тягостно и пронзительно кричали, прощаясь с родными болотами и заводями, собираясь на зимовку в чужие края. От них не отставали кряквы и бакланы, превращая ранее тихие места в настоящий птичий базар.

– Выбирай потихоньку, – раздавался над рекой зычный голос казаков.

Сеть шла тяжело. Казаки, встав цепью вдоль берега, тянули сеть к берегу. Олесь, молодой казак в красных шароварах и льняной широкополой рубахе, поверх которой на веревке висел деревянный крест, выпрямился и вытер со лба рукавом пот.

– Видать, хороший улов будет, – произнес он.

Дмитро, бородатый казак, стоявший неподалеку от него, согласно кивнул. Издали вновь прогремело:

– Выбирай.

Казаки поднатужились и вновь потащили сеть к берегу. Они подтянули свой конец к берегу и сели на траву, дожидаясь остальных казаков. Дмитро деловито сел на траву и закатал мокрые рукава рубахи. Протянув руку к кожаному мешку, лежавшему неподалеку, он достал из него небольшой кيسет, наполненный табаком, и деревянную люльку с длинным чубуком.

– Упаси бог от царской милости и хромого коня, – прошептал Дмитро, трижды наложив на себя крест.

Олесь тревожно посмотрел на товарища:

– Что случилось, Дмитро?

Казак переложил саблю на другое место:

– Атаман круг собирает. Говорит, чтобы все пришли.

Олесь удивленно посмотрел на старшего товарища:

– Пошто так? Ногаев бить или на Ливонщину воевать?

– Та ни, не в поход... – Дмитро вытер мокрые руки о край рубахи. – К Строгановым купцам на Каму-реку зовут. Их городишки от татар оборонять. Не было печали, так у волка хвост прирос. Своих дел мало, так сейчас будем тяжбы Строгановых с местными народишками решать. А сгинуть, Олесь, в тех холодных пермских краях казаку раз плюнуть, чай, не Дон и не Волга.

– Был я раз на Каме-реке, – Дмитро поежился, вспоминая эту неприятную для него экспедицию. – С воеводой Старицким ходили дань с местного князька брать. Река как река, иной раз и на Волгу похожа. Да только вокруг нее не степь дикая да вольная, а леса дремучие и непроходимые, и в лесах этих народец дикий и воинственный. Веры Христовой не знает, копьями да луками машет. А ездят они зимой на оленьих упряжках, аки сущие демоны. Не хочу более на Каму-реку идти. – Дмитро сплюнул. – Думал, перезимую здесь, на Яике, а весной на Дон домой уйду. Хрен те, рась да полторась.

– Да, плохо дело, – согласился Олесь. – Только как мы пойдем, когда Ванька Кольцо на Волгу ушел караваны персидские грабить? – Олесь замолчал.

Ему, так же, как и Дмитро, не хотелось идти на студеную Каму. Пермь хоть и не Сибирь, а зимы там холодные, не сравнить с Яиком и Волгой.

– Ну, что делать-то будем, а, Дмитро?

– Что атаман скажет, то и будем делать. Решит круг идти на Каму-реку, значит, пойдем.

– Может, все еще обойдется? – с надеждой в голосе спросил Олесь.

– Может, и обойдется, – Дмитро пожал плечами, – как Бог даст.

Дмитро встал с травы и расправил плечи. Его взгляд устремился в голубую дымку, туда, где сейчас текла могучая русская река Волга, что, как и Дон, собирала народ православный, бегущий от царского произвола.

– Ванька Кольцо, поди, сейчас хорошо гуляет, – мечтательно произнес Олесь. – Настоящий казак.

– Погоди еще, – Дмитро тревожно посмотрел на товарища. – Вот положит царь его буйную голову на плаху за такие прогулки, вот тогда по-другому Ванька Кольцо запоет. Царь Иван на расправу скор.

В то время, пока два казака стояли на берегу Яика, над Волгой раздавался задорный казачий свист.

– К реке их загоняй, басурман, к реке.

Трое всадников на лихих жеребцах безнадежно пытались уйти от настигающей их погони. Их то старались прижать к краю оврага, где бы их кони, неминуемо поддавшись стремительной воле бега, свернули себе шею вместе с седоками, то зажимали на узкой отмели у самой реки. Погоня продолжалась уже более часа. И какой конь и всадник сможет выдержать такое напряжение. Но настигавшие были должны заполучить то, что им причиталось по воле охотников, а убегающие должны были сохранить то, чем они были не вправе распоряжаться по своему усмотрению. Их судьба, как и содержимое их баулов, принадлежала материям более высокого порядка, чем они сами, и потому они должны были доставить содержимое адресату в целости и сохранности. Ногайский хан редко писал письма, тем более своим недругам, и от этого то письмо, что они везли, было намного ценнее.

Наконец казаки загнали преследуемых ногайских всадников в топкое место в пойме реки. Ногайские кони, перебирая ногами в вязком придонном иле, беспомощно топтались на месте.

– Ба, да это ж ногаи! – спешиваясь, воскликнул один из казаков. – А чего бежали, молодцы? Поди, полные карманы золотых монет.

Ногайские послы, злобно зыркая своими узкими глазищами на ватагу казаков, стоявших сейчас на твердой земле и надсмехавшихся над ними, молили Аллаха дать им почетную смерть, дабы трусостью своей не осквернить себя.

– Да какие там золотые монеты, Иван, – рассмеялся казак Семка. – Ты погляди на них: кафтаны драны, морды чумазы, как есть из пекла появились, черти.

Казаки весело рассмеялись.

– Поди, у турецкого султана в батраках ходили.

На эти слова один из ногаев в красном кафтане и чалме с соколиным пером спрыгнул с коня и вышел на берег.

– Мы – послы ногайского хана! – гордо произнес он. – И имеем неприкосновенность от любого рода посягательств.

– Послы, – казаки вновь рассмеялись.

Ногай презрительно посмотрел на пеструю казачью толпу, сгрудившуюся на берегу, и сплюнул:

– Собаки, урус.

– Вяжите их, хлопцы! – прогремел звонкий казачий голос. – Пушай посол отведаст нашего гостеприимства.

Ногаи выдернули из ножен свои кривые сабли, не желая сдаваться без боя. В ответ казаки направили на ногаев пищаля.

– Опустите сабли, – приказал старший ногай своим людям. – Они еще пожалеют об этом.

– Ой, напужал, – рассмеялся Иван Кольцо. Он схватил главного ногаю за грудки и злобно прохрипел ему в лицо: – Не бывало такого, чтобы вольный казак за ногаю-собаку сожалел. А будешь дальше пасть открывать, утоплю в Волге, как пса бешеного.

Ногай испуганно попятился, кивая головой.

– То-то же... – Иван оттолкнул ногой к реке.

– Вылезайте, собаки! – крикнул он стоявшим по колени в воде остальным ногаям. – Чего шары раззявили?

Ногаи спрыгнули с коней и бросили сабли у ног казаков. Они стояли, сгрудившись, словно загнанные охотниками волки, и затравленно озираясь по сторонам.

– Мы еще встретимся, шайтан, – прошипел один из ногаев, протягивая запястья для веревки.

Он оглянулся, обшаривая взглядом бескрайний горизонт, но вокруг расстилалась лишь голая степь, покрытая высушенным ковылем, и плыли в небесах налитые свинцом облака.

Больше десяти лет прошло, как Иван Кольцо покинул свой родной хутор на обрывистом берегу Дона и присоединился к ватаге таких же отважных казаков, грабя ногайские караваны, волею судеб оказавшиеся у него на пути. Ехали молча, изредка оборачиваясь на ногаев, которым связали руки их же веревками.

Ногаи, заметив на себе пристальный взгляд казаков, отворачивались и про себя шипели какие-то ругательства, которые, собственно, никто из казаков не понимал, и потому им было все равно. Лишь бы тихо сидели. А так чего с них, нехристей, возьмешь, шипят и пусть шипят себе на здоровье.

Бескрайнюю степь укутало золотое покрывало заходящего южного солнца. Жаворонки и соловьи стихли в ожидании ночи. Им на смену пришли трели вечерних цикад и кузнечиков. Ватага казаков молча ехала среди зарослей степной полыни и ковыля.

– Скушно, братья, – произнес один из казаков, едущий впереди всех. – Может, споем?

И казаки затянули унылую казацкую песню, горькую, как судьбинушка русского народа под гнетом бояр да воевод царских. Многие из них покинули свои станицы, не желая мириться с произволом казацких старейшин. Некоторые вернулись с Ливонской войны и, застав свою хату сгоревшей дотла, подались на Яик или на Волгу-матушку.

Иван догнал старшего ногай и хлопнул его по плечу:

– Ладно, ногай, не серчай, то воля казацкая. Что в степи, то наше.

– Будет тебе воля, – прошипел про себя старший ногай. – Воля и царская милость.

Ногайский посол хорошо знал суровый нрав русского царя, смертью лютой казнившего что простого смерда, что родовитого боярина. Никому царь спуска не давал. Держал царство свое Иван в ежовых рукавицах. И катился по земельке русской не то стон, не то бабий плач. Сразу и не разберешь. Знал это ногай, потому и не беспокоился. А настоящее письмо от хана, не подложное, было хорошо зашито в подол кафтана и давало ему уверенности, что голова его останется на плечах.

– Глупый ты, ногай, зря, что посол, – усмехнулся Иван. – Вон, и ичеги у тебя какие добрые, и кафтан, что у самого султана, а несешь такую ересь, прости, Господи...

Кольцо сплюнул на землю и, прищпорив коня, устремился вслед за остальными казаками.

– Иван, ночь скоро, – произнес один из казаков, глядя на затянутое тяжелыми тучами небо. – Надо бы где-то переночевать.

– А что, казаку уже степь не дом? – прохрипел Кольцо. – Хотя юрту бы сейчас не помешало. И ногаи под присмотром будут.

– Дмитро, вон дым за холмом поднимается, – Иван указал на север одному из казаков, на ходу раскуривавшему трубку, – поди-ка, юрта стоит. Скачи, разведай, что там.

Казак кивнул и прищпорил коня. Через несколько минут казак вернулся.

– Иван, – крикнул он, не слезая с коня, – башкиры кочевые. Одна юрта. Старик со старухой да девка, дочь ейная.

– Эй, казаки! – заорал Иван Кольцо. – Поворачивай за мной, на ночлег становиться будем.

Он прищпорил коня и, словно выпущенная из тугого лука стрела, взлетел на холм впереди. Его зоркий взгляд остановился на одинокой юрте, подле которой гулял небольшой табун

лошадей и овец. Овцы испуганно заблеяли, увидев на вершине холма всадника в папахе с алым околышем и саблей наперевес. Хозяин юрты, откинув полог, закрывавший вход в его жилище, низко поклонился и указал казакам на то, что они могут найти пристанище у него.

Касым, старый башкир, был рад неожиданным гостям, несмотря на различия в вере. У казаков можно было выменять порох и пули на кусок свежей баранины и другие предметы, что пригодятся ему в его кочевой жизни. Казаки не трогали бедных кочевников. А на то, что Касым был беден, указывали дыры на крыше его юрты. Но у старого башкира богатство мерялось не в жеребицах и овцах, настоящим его богатством была красавица дочь Айгуль.

Кольцо откинул порог юрты и зашел внутрь. Очаг дымил, выпуская дым через круглое отверстие в крыше. В почерневшем от сажи казане что-то булькало, разнося по жилищу запах вареного мяса и каких-то не знакомых ему пряностей. Айгуль, увидев черного бородатого мужика, смутилась и закрыла лицо, но Иван уже успел рассмотреть эту восточную красавицу. Впрочем, в таком деле спешка не нужна, к тому же хорошо пожрать перед сном гораздо приятней.

Казаки уже спешили и привязали пленных ногаев к коромыслу. Никита Пан, скидав несколько булыжников в импровизированный очаг, набросал в него сучьев и развел огонь. Казаки расселись вокруг костра, и каждый занялся своим делом. Михась, вытащив из ножен камень и точило, принялся за свой клинок, искоса поглядывая за ногаями, которых привязали неподалеку.

Касым, кланяясь, подошел и предложил кумыс. Никита брезгливо поморщился и достал из-за пояса фляжку с горилкой. Приложившись, он смачно крикнул и выдохнул. Казаки рассмеялись. Тут же появился Касым с разносом, на котором лежали резанные куски мяса и лук.

– Очень вкусна, – кланяясь, пробормотал Касым. – Совсем свежий баран.

Никита поддел кусок мяса ножом и отправил его в рот. Он долго разжевывал кусок, словно пытаясь выпить из него все оставшиеся соки. Затем подцепил еще кусок мяса и вновь так же ловко отправил его в рот.

– Ну, раз Никита жив, пора и нам, братцы, приниматься за трапезу, – довольно произнес один из казаков.

– А ты что, хотел бы, чтобы я издох, як собака, от башкирского мяса?

Казаки вновь рассмеялись.

– Побойся Бога, Никита, – изворачиваясь, заюлил казак. – Я хотел сказать, что если Никита не помер, знать, жрать можно всем.

Никита, посмотрев на него, усмехнулся:

– Я тебя еще переживу.

Касым исчез в юрте и вновь появился оттуда с новой порцией мяса. Казаки принялись за ужин. Их пиршество перемежалось с шутками и ругательствами.

Иван вышел из юрты:

– Ногаев-то хоть покормите, сдохнут же с голоду.

– Обождут пока ногаи, – крикнул в ответ Никита, пережевывая очередной кусок. – Сам-то, Иван, чего не идешь?

Кольцов махнул рукой:

– Да успею еще.

Ему не давала покоя фигура Айгуль. Но красивая молодая башкирка была лишь минутным грехом. Да и какая из нее жена, только для гарема сгодится.

Ногаи с жадностью пожирали мясо, принесенное им Касымом, но в черных глазах светилась ненависть к тому, кто сейчас о них заботился. Иван подошел к старшему ногаю. Тот с жадностью пережевывал кусок сочной баранины. Жир стекал по его жидкой бородачке и густыми каплями падал на расшитый золотом кафтан.

– Жрешь, да? – Иван сел перед ногаем на корточки.

Ногай ослабился:

– Чего тебе?

– Потолковать хочу.

– Потолкуем... – Ногай прожевал кусок и впился глазищами в Кольцова.

– Завтра утром мы уходим на Яик. Отдадим тебе двух коней, посол. Остальные твои люди будут ждать тебя у Касыма. Воротись обратной дорогой.

Ногайский посол кивнул головой.

Когда солнце взошло над степью и лиц ногаев коснулись его теплые лучи, посол открыл один глаз. Юрта стояла на том же месте. Башкир Касым загонял овец в загон. Посол приподнялся. По степи клубилась пыль от лошадиных копыт.

– Ушел казак-урус, – злобно пролепетал посол, разминая затекшие ноги.

Лесной богатырь

Вогульская деревня стояла в излучине реки. Старик Елдан сидел на пне и вязал из ивовых прутьев силок для ловли куницы.

– Мало-мало зима придет, – говорил он внуку Ах-тамаку, сидевшему у его ног с деревянной фигуркой лося. – Зима придет, Карача ясак повезем.

Он поднял голову вверх. Налитые свинцом осенние тучи медленно проплывали над рекой Утерэ, осыпая его седую голову редкими снежинками.

– Много ясак хорошо: Карача добрый. Мало ясак: Карача злой. Война придет, деревню сожжет.

Он рассказывал внуку простые, по его разумению, вещи. Порядок и положение вещей, окружавших их народ, должны восприниматься молодым поколением как должное.

Ахтамак подрастал, он уже бегал с соседскими детьми на реку ловить рыбу. Еще три года, и его можно будет брать с собой в тайгу, передавать знания, как поставить капкан на соболя, идти по следам лося или оленя, как запрягать собачью упряжку.

Ребенок показал пальцем на гору, где над вершиной уже собралось большое свинцовое облако.

– Вот я тебе, – Елдан погрозил пальцем каменной глыбе на противоположной стороне реки.

Духи Моитэ, жившие на каменной глыбе, в ответ сбросили камень с самой вершины горы, словно надсмехаясь над угрозами старика. Номи-Торум прошлой зимой принес в здешние леса много соболя и куницы, а Тэрн-Хуль никого из охотников не забрал в свое подземное логово. Хороший год.

Елдан отложил силок в сторону и погладил внука по голове.

– Пойдем в чум. Куца принес много рыбы, Уенг сварила хороший суп.

Старик медленно поднялся и поковылял в сторону чума.

– Ахтамак! – крикнул он, обернувшись. – Идем в чум.

Мимо них пробежала свора детей, один из которых изображал из себя оленя, а другие – охотников с игрушечными луками. Елдан улыбнулся им вслед и зашел в чум.

– Хороший год, – беспрестанно повторял он про себя эти слова.

По его движущимся губам можно было подумать, что он нашептывает какую-то древнюю вогульскую мантру или заговор для духов.

Деревня вогулов стояла на древнем караванном пути, который вел по реке от вогульского города Пельма через реки Каму и Итиль до самой Казани. Этим путем шли караваны сибирского хана Едигера, пока власть в стране не захватил бухарский хан Кучум. Его слуга, мурза Карача, наложил на местных вогулов ежегодный ясак, который Елдан должен был каждую зиму привозить Караче.

Унемэ тихо крался по следам раненого лося, который оставлял на лесных тропинках алые капли крови. Холодный промозглый осенний ветер доносил глухие стуки его огромных рогов о вековые сосны. Унемэ не может промахнуться второй раз. Уже два месяца он жил в тайге, питаясь лесными ягодами и орехами. Бесконечный зеленый полог из крон сосен и елей давал ему крышу от дождя. Еловый лапник служил теплой и мягкой постелью, укутывающей его сознание и уносящей маленького охотника в чертоги Номи-Торума. Там среди небесных стойбищ рядом с Номи-Торумом сидели его предки. Они улыбались ему и говорили:

– Он хоть и маленький, но уже настоящий мужчина и должен обзавестись собственным домом и женой.

Унемэ знал, кто будет его спутницей до самого конца, пока небесный страж Мурденэ-Ойко не откроет ему ворота в небесные чертоги богов. Еще прошлой зимой в соседней

деревне, что стоит на высоком берегу реки, он приметил дочь старика Мурдэ-Сенэ кареглазую Эви. Эви была не похожа на остальных девушек деревни. Пышные черные волосы до пояса были заплетены в тугую косу, скрепленную резными гребнями из моржового клыка.

Её семья вела свой род от огромного белого волка Дериту-Эне, что царствует на просторах вогульских земель от семи каменных братьев на вершине Мань-Пу ну-Ньер, некогда бывших богатырями, до студеной северной реки Обвы. Эви могла ловко стрелять из лука и различать следы зверей, даже когда белое покрывало сковывало тонкой корочкой льда. Сейчас Эви наверняка сидит в своем доме и мастерит капкан на соболя.

Думает ли она о нем, этого он не знал, но очень надеялся, ведь Унемэ подарил ей гребень из китового уса с оправой из золота. Достойный подарок для простой вогульской девушки. Но Эви сейчас была далеко, а он стоял посреди исполинских великанов, которые смеялись над маленьким охотником, решившим добыть такое огромное животное.

Лось был слишком большим для Унемэ. Казалось, в этом животном жил сам лесной богатырь Вотла, и потому первая стрела Унемэ не убила животное. Лось загнал охотника на дерево, где Унемэ просидел до следующего утра. Такое положение дел совсем не нравилось Унемэ. Словно сами лесные духи гнали от него прочь исполинского великана с огромными рогами.

Исправить положение могло только жертвоприношение Суснэ-Хуму, что на белой кобылице объезжает реки, леса и стойбища, чтобы принести удачу и процветание людям. Для жертвы сгодилась бы и обычная белка. Суснэ-Хум требовал внимания со стороны людей. Унемэ расставил ловушки в небольшом бору у реки, положив в качестве наживки большой белый гриб, и стал ждать. Ждать пришлось не так долго. Лесная красавица, ловко цепляясь за кору сосны, спустилась прямо к ловушке.

Принеся жертву, Унемэ вновь вышел на тропинку и направился по следам лося. Спустившись к реке, он вышел на дорогу, ведущую к старому капищу. Следы раненого лося пропали. Унемэ присел на корточки и разгреб опавшую хвою в надежде обнаружить капли крови. Вместо этого он увидел большой вдавленный в землю след. Это была не вогульская обувь. Он расчистил круг вокруг себя. Следов оказалось множество. Человек пять или шесть. Татары? Но, судя по форме следа, это были не татарские ичеги. Следы вели к старому капищу духов леса и предков Менквы. Охотники приносили свои жертвы в этом святилище, когда его, Унемэ, и на свете не было. Туда они сносили соболи шкурки и золотые слитки, и, разжигая огонь жизни, шаман бросал в костер траву, запах которой обострял у охотника чувства и позволял ему разговаривать на языке животных.

Унемэ решил проверить, кто же из людей решился нарушить покой духов. Он тихо, стараясь не выдать себя, стал красться по лесной дороге, которая вела к святилищу. За частоколом, огораживающим заброшенное святилище, раздавались мужские голоса. Унемэ прильнул к щели в заборе и увидел пятерых людей в мохнатых шапках и длинных кафтанах с саблями на толстых кожаных ремнях. Одного из мужчин, командовавшего этой лихой ватагой, что забрела на старое святилище духов, звали Кожан. Он был одет в красный камзол, подпоясанный синим поясом, за который были вложены незнакомые Унемэ предметы, напоминающие короткие пищали. Унемэ видел огнестрельное оружие у татар, к которым он с отцом привозил ясак, но оружие татар было большим и длинным, не таким, как это.

На груди у Кожана висел маленький предмет, который мужчина часто целовал. Возможно, это был Бог этих грабителей, и они таким образом просили его защиты, совершая это злодеяние. Кожан словно почувствовал, что в заброшенном святилище они не одни, и обернулся. Но ничего не нарушало покой леса. Все так же гудел ветер в лесных великанах, и по темному небу плыли наполненные белым пеплом тучи. Они были словно немymi свидетелями разбоя в этом заброшенном вогульском святилище, но помешать бороатым людям они ничем не могли. Им оставалось лишь медленно плыть по холодному осеннему небу.

– Что случилось, Кожан? – К мужчине подошел один из грабителей.

Кожан ухмыльнулся:

– Ничего, показалось.

Мужчина кивнул головой.

– Да, в этих лесах какой только напасти не встретишь. Да сохранит Никола-Угодник от вогульской нечисти... – Он перекрестился три раза и бросился к остальным грабителям, складывающим добро в свои мешки.

– Лузга! – крикнул Кожан. – Заканчивайте уже. Пора уходить отсюда, пока не стемнело.

Мужчины деловито рассовывали золотые слитки и шкурки по своим кожаным мешкам.

– Эй, Семка, поди сюды, – окликнул Кожан молодого безбородого парня, суеющегося у кожаных мешков на нартах.

Семка оторвал голову от мешка с хабаром и подбежал к Кожану.

– Ну, чего, батя? – сквозь зубы процедил он.

– Поскалься мне еще, – сурово ответил Кожан. – Глянь лучше, какие серьги нашел. Будешь Марью из Чердыни сватать, в самый раз подарок будет.

В ладони у Кожана сверкнули два золотых кольца, на конце которых были вставлены два красных камня.

Семка был единственным сыном Кожана Битюгова. Спасаясь от ярости царских опричников, Кожан бросил свое сельцо и махнул на Камские земли. Осел в Чердыни. Сосватал местную девку, от которой у него родился Семка.

Лицо парня засияло:

– Да, батя, славный подарок.

– Ну, что там у вас, все собрали?

Семка кивнул головой:

– Почти все, батя. Меха брать будем?

– А берите. – Кожан махнул рукой.

– Так мыши поели, – возразил Семка.

– Дома посмотрим... – Кожан еще раз осмотрелся.

Грабить вогульские святилища для Кожана и его ватаги было привычным делом, уже не первый год они перебирались через Урал-камень и искали места для поживы в вогульских землях.

Сердце маленького охотника налилось праведным гневом. Он не даст этим нечестивцам разграбить священное место. Но сможет ли он, маленький охотник, справиться с пятью взрослыми и сильными мужчинами, имея только лук и нож? Он пойдет по их следу и будет убивать их по одному.

Тем временем грабители закончили свое черное дело и потащили мешки к оленьим упряжкам. Собранный ими в вогульском святилище хабар был настолько велик, что некоторые мешки пришлось волочить по земле, оставляя за собой след на опавшей хвое.

В одной из упряжек Унемэ заметил человека в оленьих шкурах и с копьем, острие которого было сделано из оленьей кости. Человек сидел в упряжке и скалился, смотря, как разбойники в меховых шапках грузят добро. Унемэ узнал его. Это был Вокша. Когда-то этот старый одноглазый вогул был князем одного из племен, но был изгнан за свое вероломное предательство, указав лихой ватаге новгородских ушкуйников место святилища и захоронения древнего пермского племени. Тем самым Вокша опозорил себя.

Вокша сидел на оленьих нартах и боязливо озирался по сторонам. Второй раз ему не простят такого. Его привяжут к сосне, и его душу и тело заберет чужд, народец, что живет в каменных расщелинах и пещерах Урал-камня, или духи леса, живущие в огромном белом волке. И никто из вогулов больше не вспомнит его имени, а кто вспомнит, тот будет плевать, проклиная всеми богами павшего князя.

Но Вокша не боялся ни пермских, ни вогульских богов, не боялся он даже всемогущего татарского бога Аллаха. Не было под синим небом Перми для Вокши сильнее Бога, чем Бог московитов. Эти бородатые и крепкие мужики с широкими топорами на длинном древке и с палками, что изрыгают огонь, пришли с дальних краев, где заходит солнце. Московиты носили своего Бога с собой в маленьком деревянном крестике на веревке или на такой же деревянной расписанной дощечке. Они целовали эти предметы и молились им. И Бог московитов отвечал им взаимностью.

Нет, он не был великаном или могучим богатырем, что сворачивал течение бурных рек вспять или раздвигал горы до небес. Он был маленьким человеком, и от этого он был сильнее всех богов вместе взятых. Вокша уже не раз успел убедиться в силе этого Бога. Однажды его племя сожгло на костре плюгавого старикашку, пришедшего в их земли с именем Бога московитов. Этот Бог придал старику силы, и тот смиренно взошел на жертвенный огонь, моля своего Бога принять его душу. И тогда сердце Вокши дрогнуло.

В другой раз Бог московитов вселил в них силу и отвагу, когда они уже проиграли жестокую битву с одним из пермских племен под Искером. Сеча была страшной, горстка московитов, зажатая конницей пермяков у обрывистого берега, ожесточенно дралась, несмотря на рой стрел, устремленных в их сторону.

Московиты не дрогнули и с именем своего Бога сумели опрокинуть и перебить отряд пермяков, перекрывавшим им выход на берег.

Боялся Вокша только своих. Боялся хитрой и беспощадной вогульской стрелы, которая, словно тень, просвистит из густого дремучего ельника и вопьется в его дряхлую шею, словно комар в шкуру оленя. Он натянул на себя оленью шкуру, которая лежала рядом на нартах, и тихо ждал грабителей.

Когда последний грабитель покинул ворота святилища и плюхнулся на свои нарты, Вокша облегченно выдохнул. Но старый отверженный князь не знал, что за ними следят два зорких глаза охотника-следопыта, и куда бы они теперь ни побежали, эти глаза будут неотступно следовать за ними, пока осквернители старого святилища не найдут свою могилу в топких болотах вогульских лесов.

Грабители, тяжело нагруженные драгоценным хабаром из святилища, медленно тронулись в обратный путь. Их путь должен был пролегать через низменность у излучины реки. Это было единственное место, где смог пройти их караван из десятка оленьих упряжек. Расстояние между огромными деревьями было достаточно большим и образовывало нечто вроде лесной дороги, которая выходила к реке с большими серыми скалами по берегам. Оттуда и до Камня рукой подать, если не заметет метель.

Караван миновал густой ельник и вышел в сосновый бор. Унемэ неотступно шел вслед за московитами, выискивая место, откуда он сможет незаметно выпустить стрелу. Бить нужно наверняка и желательно в главаря под именем Кожан. Вторая стрела предназначалась князю-предателю Вокше.

Внезапно между лесных великанов, устремивших свои зеленые руки к небу, раздался леденящий душу вой. Унемэ вздрогнул. Вой повторился, только сейчас он звучал особенно отчетливо, так что у маленького вогульского охотника дернулось сердце в груди.

Караван остановился. Люди в овчинных шапках прыгнули с упряжек и направили пищали в сторону леса. Но, несмотря на всю их отвагу, было видно, как трясутся их ноги и руки в ожидании неведомого и ужасного вогульского лиха.

Вокша, перепугавшись не на шутку, рванул поводья оленьей упряжки. Бежать, только бежать. Его душу и сердце одолевал лютый страх, такой же, как холодный северный пермский ветер. Страх гнал его, пока не выдохлись олени в упряжке, пока не стихли выстрелы пищалей московитов, обуреваемых таким же животным страхом.

Вокша остановился. Что произошло с москвитами, он не хотел думать. Ему казалось, что он ушел далеко от этого ужасного места, где дорогу ему и москвитам перегородил сам дух хозяина леса Вотла. Он попробовал отдышаться. Он словно сам был запряжен в эту упряжку вместе с оленями. Куда же теперь. Только на запад, к хребту, к Кытлыму, где правил его двоюродный брат.

Как потом оказалось, москвиты не сильно растерялись, услышав звериный рык. Они перекрестились и встали полукругом, направив пищали в сторону леса. Потянулись мучительные минуты ожидания для Унемэ, сидевшего сейчас в ельнике и ожидающего расправы над осквернителями святилища.

На опушку леса выскочила стая огромных волков. Во главе стаи стоял белый волк-исполин. Унемэ испугался. Вот он, лесной дух Вотла. Пришел помочь свершить правосудие. Он никогда сам не видел Вотлу. Старики говорили, что он может принимать разный облик, где белый волк, а где огромный человек-великан в оленьей шкуре. Унемэ незачем было бояться Вотлу. Он знал, что он не тронет его, в отличие от москвитов. Но Унемэ все-таки испугался, ведь он был охотник, а не воин.

Москвиты сделали залп из пищалей. Стая рассыпалась меж деревьев, но белый волк-великан остался стоять на своем месте. Или москвиты промахнулись, или же Вотлу не берут пули москвитов. Белый волк оскалится, обнажив огромную пасть с рядами больших и острых клыков. Он готов был броситься на людей и разорвать их на клочки, но медлил, ожидая чего-то.

Кожан бросил пищаль на нарты и достал из ножен кинжал, попутно отодвинув Семку, стоящего рядом, за свою спину. Семка было оскалится, но, увидев налитые кровью глаза отца, решил не перечить.

– Стой за мной покедова, – прохрипел Кожан, – видишь, нечисть вогульская пожаловала. Сами не пришли, волков прислали.

Кожан не желал отступать, его, матерого русского мужика, прошедшего не одну войну, не испугает какой-то вогульский белый волк. Сына главное и хабар сохранить, остальное – в руках Божьих.

Москвиты воспользовались заминкой и успели перезарядить пищали. Белый волк медленно подходил к горстке людей. Расстояние сокращалось. И теперь что волк, что люди могли видеть глаза друг друга. Но глаза этих людей не были наполнены страхом. В них была ярость и злоба людей, у которых хотят отнять то, что, как они считали, принадлежит им по праву. По праву сильного и бесшабашного человека, пустившегося в столь опасный рейд в чужие земли и не ждущего пощады от местных племен.

Позади людей мелькнули серые тени, и белый волк бросился в атаку. Одна из пуль попала ему в лапу, но он, казалось бы, не обращал на это внимания и продолжал свой стремительный натиск. Сбив с ног одного из москвитов, он отбросил его в сторону и кинулся на другого. Сзади на спины остальных людей бросались другие волки. Лесная поляна превратилась в место, где сейчас ожесточенно дрались люди и волки.

Москвиты отбросили на землю пищали и вытащили из ножен сабли и кинжалы. Среди леса раздавались ругань и волчий вой. Семка, которому на спину запрыгнул один из волков, ловко развернулся по кругу, скинув животное на землю, и всадил волку прямо в брюхо старый дедовский кинжал. Семка победно ликовал, но удар другого матерого хищника сбил его с ног. Теперь парень барахтался под телом огромного волка, пытающегося добраться ему до горла. Дедовский кинжал валялся совсем рядом, но рука Семки не могла дотянуться до него. Тогда Семка что есть мочи закричал:

– Батя!

Кожан обернулся. Увидев сына, подмятого волком, на земле, он отбросил волка, вцепившегося пастью ему в руку, и бросился к Семке. Подхватив волка за загривок, он с невероятной силой стянул его с сына и, подняв почти над землей, всадил матерому кинжал между ребер.

Кожан поднялся и осмотрел поле битвы. Огромный белый волк лежал в крови. На его белую шкуру падали редкие снежинки. Его пасть была открыта, и сквозь огромные зубы вывалился язык. Лесной великан был повержен, как и еще шестеро волков, лежащих рядом.

– Кто его? – спросил Кожан у запыхавшихся от боя ватажников.

Один из людей сделал шаг вперед.

– Ты, Карп? – Кожан удивленно посмотрел на ватажника мелкого роста, но крепко сложенного, с едва проглядывающей рыжей бородкой.

Карп от стеснения мямли овчинную папаху, словно барышня на смотринах, и нелепо улыбался, но его сердце переполняли гордость и осознание, что он не зря ел хлеб из скудных припасов ватаги и сейчас внес хороший вклад в общее дело.

– Вдвое больше долю получишь, – прохрипел Кожан.

Ватажники одобрительно по очереди похлопали Карпа по плечу.

– Не зря парня взяли, – раздался уставший голос. – Пригодился.

Карп улыбнулся. Ему польстили такие одобрительные отзывы товарищей. Значит, в следующий рейд его обязательно возьмут, если доберутся до дому.

Ватажники принялись собирать разбросанное оружие и готовиться к продолжению пути. Уже на горизонте виднелся богатырь Ветлан, а там и до русских городков Перми недалеко.

Унемэ смотрел из ельника, как бородатые мужики ходят вдоль поверженных волков и довольно улыбаются. Вотла не смог причинить вреда грабителям. Не сумеет и он, маленький охотник. Его время еще придет, и он обязательно отомстит москвитам, убьет старого князя-предателя Вокшу.

Кожан подошел к белому волку и присел на корточки, разглядывая его шкуру.

– Осок, – окликнул он одного из ватажников, – заберите и этого зверюгу. Подарим шкуру князю. Здесь разделывать некогда. Убираться надо.

Ватажники запрыгнули на нарты и тронулись вперед, держа ориентир на Ветлан-камень. Их обувь оставляла на снегу четкие следы, и Унемэ надеялся, что кто-нибудь из вогульских деревень и стойбищ встретится с ними, и тогда им несдобровать. Пока же снег скрипел под полозьями нарт и сапогами москвитов, осыпался с елей-великанов, задетых неосторожным движением пришлых людей.

Унемэ вышел из ельника, служившего ему укрытием, и горестно наблюдал, как удаляется лихая ватага, разграбившая вогульское святилище. Про лося, по следам которого он шел, Унемэ уже забыл. Нужно было возвращаться в свою деревню и рассказать людям об этом.

Улус Карачи

Всадники, летящие сквозь снежную мглу, навстречу огням на крепостной стене, все ближе становились к своей цели. Железные кованые петли заскрипели под тяжестью массивных деревянных ворот. На крепостной стене раздались зычные голоса.

Всадники влетели в ворота, остановились у крыльца и спрыгнули с коней. Внутри дворца зашевелились слуги, подготавливая трапезу для внезапно вернувшегося хозяина. Забегали невольницы, взбивая подушки и одеяла. На огромном вертеле в центре зала появилась баранья туша, обильно поливаемая ароматным маслом. В зал притащили огромный персидский ковер и бархатные подушки.

Карача стоял на пороге своего дома, жадно вдыхая носом холодный сибирский воздух. Много лет прошло, как Кучум подарил здешние земли ему в улус в награду за преданную службу. Он сумел сломить сопротивление местных племен, стал единоличным правителем окрестных земель. Его поседевший волос видел немало битв и злодейств как со стороны его воинов, так и со стороны местных племен.

Несколько воинов сидели у костра и играли в кости. Они ожесточенно ругались и спорили между собой, кому теперь трясти короб с костями. Напряжение в игре все больше нарастало. Молодой татарин Мурат выхватил саблю, но, заметив Карачу у крыльца дворца, остановился. Бросив саблю на снег, он упал на колени. В след за ним повалились и остальные стражники.

– Повелитель вернулся, – эхом разнеслось по стенам града Карачина.

Эта весть быстро распространилась по местным селениям и племенам, заставляя стариков охать и качать головами, а молодых воинов крепче сжимать в ладони рукоять сабли.

Карача прошел во дворец. Сняв саблю, он бросил ее на пол. Его долгое путешествие в сибирский Искер, где правил его собрат по вере великий хан Кучум, было закончено. Можно было сейчас расслабиться и подумать о делах.

Слуга подал жареную баранью ногу на блюде с порезанными на куски яблоками. Мурза жадно разодрал зубами сочное мясо. Слуга подал полотенце для рук.

– Нет, убери... – Карча слизал языком сок, стекавший по пальцам.

– Завтра сбор ясака, повелитель, – осторожно произнес слуга. – Будет вогульский князь Мурак.

– Якши, – ответил Карачи. – Какие еще новости? – спросил хозяин, срезая следующий кусок мяса с кости и отправляя его в рот.

Слуга склонился к уху мурзы:

– К русскому царю Ивану приезжали купцы с Камы. Просили помощи в войне против нас.

– Война? – Карачи приподнял голову и посмотрел на трясущегося от страха слугу. – Говори подробней.

Слуга склонился еще ниже.

– Московиты хотят организовать поход в сибирское ханство. Приглашают казачьи отряды с Итиля идти к купцам Строгановым. Братья обещали снарядить экспедицию за свои деньги.

– Странно... – Карачи удивленно скосился на слугу.

Московиты только закончили воевать с ливонцами. По всей западной окраине русского царства стояли, словно покосившиеся головешки, бывшие крестьянские избы. Небольшие обители, где служители Христовы смиренно тащили свой крест и несли послушание, были разграблены. Черное воронье еще пировало на костях, оглашая обезлюдившие селения своим карканьем.

Карача хорошо знал положение дел в царстве Ивана и решительно удивился, когда царь решил отправить казачью подмогу братьям Строгановым. Прельстился Иван богатствами

Сибири, застили глаза старика золотой туман Урал-камня да вогульские меха. Прельстился и решил под свою руку земли взять, позабыв, что его Бог не властен на этой земле.

Добраться до его улуса было не так-то просто. Казакам нужно переправить свои струги через хребет, затем идти по реке, другой дороги до его улуса нет. Ясаш-ные вогулы тоже не очень жаловали московитов. Да и сами московиты, закрывшись в деревянных острогах на пермских землях, не горели желанием пробираться сквозь дикие и опасные леса, что изобильно покрывали Урал-камень.

Карача ухмыльнулся:

– Пусть еще попробуют миновать хребет, а там видно будет.

Во всяком случае, он успеет послать гонца к Кучу-му. От его улуса до Искера два лошадиных перехода.

На тарелку положили еще кусок баранины и принесли кувшин с вином. За стенами было уже темно. Сочное мясо хрустело на зубах и таяло во рту, принося к желудку мурзы приятное тепло. После безумной скачки горячий ужин и вино совершенно сморили Карачу, и думать о делах уже совершенно не хотелось.

Вогульские князья привезут завтра ясак, половину придется отправить хану. Остальные деньги можно потратить на ремонт стен. Придут казаки или не придут, а стены нужно поправить. Восточный угол стены, где стояла башня Ясур-паши, уже начал медленно заваливаться к берегу реки. Для починки нужно было с десятков свежесрубленных стволов сосны. Крепость Карачи была не слишком большой по меркам того времени и уступала по площади тому же Искеру. Зато место для ее постройки было выбрано крайне удачно.

Град Карачин стоял на высоком берегу, образуя естественное препятствие со стороны реки, конница со стороны запада не подойдет, да и пушки с казацких стругов не достанут. В случае осады подойдет с востока хан Кучум, а дерево привезут вогулы. И застучат татарские топоры, разнося по окрестным лесам весть, что стоит град Карачин, словно вековой кедр. И никто, ни московиты, ни казаки, не смогут одолеть эту твердыню на сибирской земле. Но все же в глубине души Карача боялся московитов. Еще не остыли в его памяти горящие Казань и Астрахань.

Утром Карача проснулся в хорошем настроении. Кости после вчерашней скачки не ломило. В окне так же сияло холодное сибирское солнце. Слуги принесли одежду. Слуга уже доложил ему, что вогулы привезли дань. Мурденэ-Сенэ и князь Сартамак угрюмо стояли у своих повозок, тихо переговариваясь между собой.

– Древнее заброшенное святилище было разграблено.

– Похозяйничали московиты, однако, – недовольно просопел Сартамак.

– Может, путь искали по земле и случайно наткнулись на святилище? – покосился на него Мурденэ. – Что же боги?

Сартамак поправил кинжал на поясе и угрюмо произнес:

– Боги не покарали чужестранцев. Одни мы остались.

– Мурза Карача даст нам воинов, не зря же мы ясак ему каждый год возим, – отворачиваясь, прохрипел Мурденэ.

Он посмотрел на свой обоз, доверху наполненный шкурками соболей и песцов. Ему было жаль отдавать такое богатство старому татарину Караче. Но договор был дороже.

– Мурза сейчас сам на краю пропасти, – добавил Сартамак. – Мы уйдем в леса, он останется один на один с московитами.

– Но сибирский хан Кучум пришлет ему воинов, и они смогут одолеть московитов, – покосился на него Мурденэ.

– Не уверен, – грустно произнес Сартамак. – Вспомни пермяков, когда первые урусы пришли на Пермь. Сколько воинов тогда погибло из пермских племен. Сколько золота дали на

откуп москвитам. Но им не нужно золото. Им нужна земля. Они строят на ней крепости и остроги, присылают людям своих шаманов.

– Чем они лучше или хуже татар? – хмыкнул Мурденэ. – Все хотят землю, улусы, золото, пушнину, и все хотят, чтобы вогулы приняли их веру.

– Я не знаю, – удрученно ответил Сартамак.

Мурза Карача вышел на порог своего дворца.

– Мурза, – Мурденэ толкнул Сартамака в бок.

Они оба склонили головы. Карача улыбнулся:

– Привезли?

– Как видишь, князь, – пролепетал Мурденэ, указывая на повозки, укрытые оленьими шкурами.

Мурза степенно подошел к нартам и отбросил шкуры. Достав одну из собольих шкурок, он покрутил ее в руках, затем встряхнул, проверяя качество меха. Затем он взял из деревянного ящика золотой самородок и повертел его с разных сторон.

– Здесь все? – неожиданно спросил он.

Сартамак кивнул головой, соглашаясь с его словами:

– Здесь все, князь. Все привезли, ничего не утаили. И тебе, и хану твоему. Даже больше дали.

Карача довольно улыбнулся и показал слугам на возы:

– Тащите все во дворец. – Он протянул руку, указывая им на свой дом: – Проходите, будьте гостями, расскажите, что вас тревожит.

Старики переглянулись между собой. Сартамак сделал первый шаг в направлении крыльца. Мурденэ проследовал за ним след в след, словно они были на охоте.

В большом зале дворца Карачи было уютно и тепло. Слуги постоянно подбрасывали в камин свежие сучья. Мурденэ протянул озябшие руки к огню и повернулся к мурзе.

– Москвиты пришли из-за хребта, разграбили святилище, – скорбно произнес он. – Много даров унесли. Золото. Меха. Номи-Торум будет гневаться, что не уберегли.

Сартамак, усевшись рядом с мурзой, согласно кивнул:

– Беда придет, чувствует мое сердце.

– Не каркайте, словно вороны, – хрипло рявкнул Карача.

Его рука незаметно скользнула к поясу, и в руке блеснул кинжал. Он воткнул его в стол и сердито произнес:

– Придут москвиты – встретим их нашими стрелами. Соберем наших воинов, и вы своих дадите, сколько можете. Клянусь Аллахом, мы отправим их к шайтану.

– Хватит ли у нас воинов и сил противостоять москвитам? – задумчиво спросил Сартамак.

– Починим крепость, пусть только сунутся, – злобно прошипел Карача. – Чтобы вам было спокойно, по согласию с господином моим Кучумом я пошлю Улугбека в Бухару. Он отвезет ему дары от хана, возьмет лучших воинов и приведет их сюда.

Сартамак довольно улыбнулся:

– Я рад, господин Карача, что ты так уверен в этом. Наши люди могут не бояться москвитов.

Улугбек сидел в стороне и вслушивался в слова правителя. Такое поручение Карачи, с одной стороны, было почетно, но с другой, несло немало хлопот. Он бы с удовольствием выбрал кого-то другого, но мурза решил, что везти в Бухару послание хана Кучума должен именно он. Что ж, ему оставалось только согласиться с этим решением.

Он злобно посмотрел на этих двух нечестивцев, принимающих гостеприимство его хозяина. Вогульские князья всегда были ненадежными союзниками. При первой же возможности они перейдут на сторону победителя, дабы сохранить свои селения и охотничьи угодья. Улу-

гбек не доверял этим двум старикам. Но Карача не внимал советам своего слуги, ему нужны были союзники среди вогульских князей.

Бухарская пленница

Дворец бухарского эмира Садырбека.

– Жив-здоров ли брат мой хан Кучум, властитель сибирских снегов?

– Хвала Всевышнему, и жив, и здоров! – Посол низко поклонился.

Человек в чалме, сидящий на троне, украшенном золотой арабской вязью, привстал. Посол протянул ему массивную шкатулку в качестве дара. Удовлетворенный ответом и подарком посла, эмир кивнул ему головой и тихо произнес:

– Хвала Аллаху.

– Только вот, – боязливо продолжил посол, – москвиты одолевают, совсем страх потеряли.

Эмир сначала усмехнулся, затем печально ответил:

– Верю брату моему, москвиты всех одолевают. При прежнем царе земельки и силы набрались, а теперь расползлись, словно мухи, по всем землям нашим. Царь Иван, даже обескровленный в войне с Ливонией, силы своей не потерял.

Посол снял чалму, обнажив лысую голову, блестящую в свете южного солнца, словно звезда. На его морщинистом лбу выделились капельки пота. Было видно, что этот разговор дается ему нелегко, и еще не все сказано, что велел ему передать его повелитель Кучум брату своему бухарскому эмиру.

Но время еще не пришло. Посол долго добирался до Бухары, и силы его иссякли. Завтра он передаст эмиру подарок от хана и поговорит с ним с глазу на глаз. А сейчас ему нужны горячая вода и фрукты. Посол поклонился и вышел, слуги эмира проводили его в отведенные ему покои.

Совершив вечерний намаз, Улугбек открыл окно. На вечернюю Бухару опускалась ночная прохлада. Где-то вдалеке были слышны собачий лай и звон сабель городской стражи. Улугбек глубоко вдохнул пьянящий аромат восточных пряностей, который южный ветер доносил до его окна.

Сквозь решетчатую дверь мелькнула чья-то тень, и раздался тихий стук. Улугбек обернулся. В комнату тихо вошла служанка, скрытая черным никабом.

– Повелитель прислал тебе подарок, уважаемый Улугбек, – тихо прошептала она.

Улугбек молча кивнул в ответ, и в комнату завели девушку. Даже несмотря на черное покрывало, в ее фигуре угадывалась чарующая грация. Улугбек указал девушке на ковер, где лежали расшитые золотыми нитями подушки. Девушка молчаливо и покорно опустилась на одну из них. Служанка закрыла двери.

Ночь прошла в тревожном сне. Улугбек видел больших черных птиц, парящих над Чинги-Турой. Птицы парили над городом, кидались на жителей и вновь взмывали в небо. Он стоял на крепостной стене и стрелял в этих черных птиц из лука. Но стрелы не долетали и падали в холодные и темные воды Туры. Тура кипела и обдавала жаром. Улугбек начал бредить и разговаривать ночью. Служанка принесла кувшин с водой и полотенце. Она всю ночь просидела у его головы, смачивая полотенце в воде.

Утром Улугбек спустился во двор и направился на рыночную площадь Бухары. Высокие минареты мечетей сверкали на жарком южном солнце. По мощеным камнем мостовым катились тележки местных крестьян и купцов, везущих на рынок свои разношерстные товары. Мелькали фигуры женщин, укутанных в черные одеяния. Бухара очень отличалась от сибирских городов, к которым он так привык. Само солнце, даря свое тепло, делало ее жителей более проворными и предприимчивыми.

Улугбек миновал несколько улиц и вышел на рынок Бухары. Крики торговцев, зазывающих покупателей в свои лавки, словно оглушили его. Тут были и персидские купцы, пришедшие с караванами, везущими пряности и ковры. И дамасские оружейники, предлагающие изящные клинки и тончайшие кольчуги из великолепной стали. Продавцы фруктов и пряностей предлагали бесплатно отведать их товар.

Но Улугбека не интересовали мечи и пряности. Он искал крытый шатер, на лавках которого сидели пленники различных народов и стран. Невольничий рынок в Бухаре был не так велик по сравнению с другими рынками Средней Азии, но и на нем можно было выбрать то, что ему необходимо.

Наконец он увидел шатер, у которого столпились покупатели, тихо переговаривающиеся между собой. Рядом с ними стояла закутанная в черное покрывало невольница. Улугбек улыбнулся. Он нашел, что искал. Отогнув полог шатра, он знаком поманил хозяина, торговца живым товаром. Объяснив хозяину, что ему нужно, посол прошел в шатер. Торговец вился у его ног, словно собака. Он по очереди поднимал у каждой невольницы край никаба, скрывавшего лицо женщины от посторонних взглядов.

Лицо одной из невольниц показалось ему знакомым. Нет, он не знал ее лица, но разрез глаз указывал на то, что невольница была из его краев. Улугбек откинул черную прозрачную вуаль, скрывавшую лицо, и спросил девушку:

– Ты вогулка?

Девушка смущенно опустила глаза.

– Да, – смиренно произнесла она.

– Почему ты здесь?

Девушка подняла глаза.

– Я из улуса господина Карачи.

– Как ты попала сюда? – спросил Улугбек, осмотрев ее шею и руки.

Ей было страшно. Улугбек видел, как дрожат ее руки.

– Продана за долги моего отца, – тихо ответила она.

Улугбек молча кивнул и поднял руку с кошельком. Торговец тут же подскочил и протянул свои морщинистые и сухие руки.

– Сколько? – спросил Улугбек.

– Двадцать динаров, – улыбаясь, ответил торговец.

– Ты с ума сошел, старый болван, – морщась, ответил посол. – Она хороша, но рабыня стоит не больше пяти динаров. Клянусь Аллахом, твоя жадность безгранична, старик.

Торговец лукаво прищурился.

– Эти – да, может, они и стоят по пять динаров. Но эта девушка еще девственница, у нее не было мужчины, и ее спина не знала плети.

– Хорошо, ты уговорил меня, – удовлетворенно ответил Улугбек.

Он достал из кошелька несколько серебряных монет и протянул их торговцу. Торговец живым товаром, беспрестанно кланяясь, исчез за пологом шатра. Через несколько минут появился с девушкой, которую выбрал Улугбек.

– Следуй за мной! – распорядился посол.

Девушка в никабе молчаливо кивнула и пошла за ним. Всю дорогу до дворца эмира Улугбек думал, зачем он купил ее. Поначалу в его планах было купить на рынке армянку, чей неистовый темперамент в постели славится на весь Восток. Но чем-то привлекла его эта невольница. Её взгляд, дерзкий и в то же время покорный.

Её спина не знала плети хозяина, так сказал торговец, но в то же время она знала, как вести себя с мужчиной. Кто-то ее научил. У него будет время расспросить ее об этом на обратной дороге.

Поначалу он хотел преподнести ее в дар эмиру. Деньги на это выделил его господин Карача. У самого Улугбека таких денег за обычную рабыню не было. Но сейчас он решил оставить ее себе.

Рабыня тихо шла вслед за ним. Улугбек обернулся. Девушка смутилась и опустила взгляд. Улугбек подошел ближе и приподнял прозрачную черную вуаль. Да, он не ошибся в выборе. Темные брови, как жемчуг, обрамляли лицо. Губы были налиты соком, словно персик в саду эмира. Нет, он не ошибся в выборе. Он увезет ее на ее родину, но жить она будет с ним. В каком качестве, он пока не решил. Время само ответит на этот вопрос. Даст ли эмир Бухары своих всадников в помощь Кучуму. Или же Сибирское ханство сгинет под натиском московских полков, этот вопрос сейчас волновал Улугбека больше всего, как и его господина.

Улугбек вернулся во дворец. Слуга встретил его у порога покоев и тихо шепнул на ухо, что эмир готов его неофициально принять. Блеск внутренних покоев дворца эмира Бухары очаровал Улугбека. Он не видел прежде столько золота и столько изящной мебели. Идя по бесчисленным коридорам, украшенным резьбой и сурами из Корана, ему казалось, что Аллах незримо присутствует вокруг него. Деревянные стены Чинги-Туры, сложенные из массивных стволов сосны и кедра, казались архаизмом, языческим проявлением, чем-то чуждым для правого мусульманина.

Эмир лежал на подушках, раскуривая кальян. Заметив появление Улугбека, он рукой указал ему место подле себя. Войдя в покои, Улугбек склонил голову и прошел на указанное ему место. Он вытащил из халата сверток и передал его эмиру.

Садырбек молча взял свиток и, развернув, стал читать. Его брови и уголки губ то поднимались, то опускались. Закончив чтение и отложив свиток, он глубоко затынулся и поднял глаза к потолку, где золотой вязью была написана одна из сур. Затем он закрыл глаза, а когда открыл, то произнес:

– Я дам брату моему Кучуму всадников. Его беда – моя беда.

Улугбек довольно улыбнулся, он не зря проделал такой долгий путь.

* * *

Улугбек скакал по степи на белом жеребце, подаренном ему эмиром Бухары. Конь был похож на ветер. Такой конь – это подарок Аллаха для простого посыльного из диких лесов.

Степные просторы уже заканчивались, и впереди он видел верхушки лесных исполинов. Позади него шла лихая конница Садырбека. Сотня всадников на проворных арабских скакунах. На суровом сибирском ветру развевались зеленые флаги с арабской вязью. Урус пожалеет, когда перейдет хребет.

Черноокая Эви, его новая наложница, скакала верхом вслед за своим новым господином. Лицо Эви светилось сказочной улыбкой. Она возвращалась домой. Её судьбу решит Номиторум. Она совсем забыла о маленьком охотнике Унемэ. Он не сумел ее спасти, так к чему сейчас вспоминать о нем.

Улугбек и отряд бухарской конницы вступил на лесную дорогу. Скорость пришлось снизить. Теперь их окружали лесные великаны. Зеленый полог крон раскинул над их головами бесконечное покрывало, сквозь которое едва пробивались лучи холодного осеннего солнца.

Бухарские всадники боязливо озирались по сторонам. Для них это были чужие и неведомые края. Но Улугбек улыбался. Он был дома, а остальное – как даст Всевышний. Но даже зоркий взгляд Улугбека, привыкший к здешним безлюдным местам, не смог заметить десятки невидимых глаз, наблюдающих за ним и его всадниками.

Молодой вогульский воин сплюнул на опавшую хвою и повернулся к своему напарнику: – Татарский мурза возвращается из Бухары. Передай князю.

Вогул молчаливо кивнул и, словно белка, растворился среди стволов елей и сосен.

Узник кремлевских подземелий

Площадь была до отказа забита народом. Здесь собрался и простой московский люд, и стрельцы, и некоторые бояре. Татарские воины выделялись от собравшегося народа своими меховыми шапками и коротко стриженными бородками. Немецкие и аглицкие широкополые шляпы, так же как и татарские, мелькали на площади. В толпе шарахался коробейник с огромным лотком, предлагая народу калачи и пряники. Он оступился и задел толстую бабу в красном платке, держащую за руку плачущего мальчика.

– Ну, куды прешь, слепой? – рявкнула баба, прижимая мальчика к подолу.

– Так пряники, калачи, – повторил виновато коробейник.

– Сгинь, нечистый, пока не отоварила. Не до пряников сейчас. – Баба показала огромный кулак.

Царский тиун забрался на деревянный помост. Старые березовые доски заскрипели под весом здорового мужика в кольчуге и красном кафтане с меховой оторочкой. Тиун обвел похмельным взглядом собравшуюся толпу и тихо отрыгнул. В горле стоял ком, а читать надо было так, чтобы слышали все, даже в последних рядах. Он развернул царскую грамоту с сургучной печатью, прокашлялся и принялся читать.

– Народ православный! – заорал он на всю площадь. – Слушай царский указ! Царский указ, – повторил он.

Народ охнул и перекрестился. Глашатай обвел толпу взглядом и продолжил.

– Мы, Божьей милостью государь Иоанн Васильевич, объявляем народу своему, что казак Ванька Кольцов за злодеяния свои... – тиун прокашлялся, – перед государством и самим великим князем Московским и Всея Руси объявляется вне закона и подвергается заточению в кандалы. Великий государь Иоанн Васильевич предлагает вышеназванному злодею добровольно явиться перед светлы царски очи и принять кару, положенную ему царем и судом Божьим. В противном случае он будет казнен и обезглавлен. Писано накануне дня святого преподобного Симеона. Печать и подпись.

Тиун свернул свиток и спустился с помоста. Народ, столпившийся на площади, молчаливо охал и качал головой.

– Пропал казак, – угрюмо пробурчал один из стрельцов.

– Так, а кто его просил ногайских послов разбойничать? – недовольно сопя, буркнул его товарищ.

– Пропадет зазря в царских подземельях.

– Оно верно, – согласился с ним другой стрелец, поправляя саблю на ремне, – но все равно жаль христианскую душу.

– О чем гутарим, братцы? – спросил подошедший к ним стрелецкий старшина.

– Да о Ваньке Кольцо, ни за что же сгинет молодец, – угрюмо ответил один из стрельцов.

– А ты его не жалеешь, – пробурчал старшина. – Сам виноват.

– Так мы чо, мы так, – согласно кивнули стрельцы и стали расходиться.

Когда стрельцы разошлись, стрелецкий старшина, оставшись один на один с одним из стрельцов, видя его кручину, усмехнулся и подмигнул тому:

– Не печалься, Осип, ничего с Ванькой Кольцо не случится. Уйдет на Дон, и почитай как звали. С Дону выдачи нет.

Но затем он словно чертыхнулся и добавил:

– Если сам под царевы очи не явится о пощаде молить. Всю жизнь не набегаешься.

Стрелец согласно кивнул.

– Пошли, Осип, на пост, вечером в кабаке заглянем. Знал Ваньку Кольцова-то?

– Знал. Почитай, с Ливонской войны. Добрый был казак.

Их красные кафтаны с бердышами на перевязи постепенно исчезли среди почерневших от времени московских изб и каменных боярских полатей.

– Знавал, – эхом разнеслось по грязным деревянным мостовым и стихло, словно ветер.

* * *

Иван очнулся на полу темного сырого подвала. Сквозь маленькое оконце у самого потолка едва пробивались лучи света. Руки нестерпимо болели и кровоточили. Он попытался перевернуться на спину.

Иван прислушался. Где-то вдалеке каменных коридоров звенели железные кандалы, скрипели стальные решетки запираемых дверей.

– Вот угораздило. В самое пекло попал, – ругнулся про себя Кольцо. – Спасибо, царь-батюшка, удружил.

Жирная капля воды, собравшаяся на кирпичном своде, отцепилась от своего места и со звоном плюхнулась ему на голову.

Что же теперь будет? Не сдержал царь своего слова. Обещал миловать. Ан вон оно как вышло.

Засов на его камере гулко заскрипел, и в щель просунулась толстая бородатая морда. Она посмотрела на лежавшего на полу узника и спросила:

– Жив ли?

Иван прохрипел:

– Живой я. Рано хоронишь.

– Так не я хороню, сам себя в тюремные терема упек, – раздалось в ответ.

Дверь распахнулась, и тюремщик зашел в камеру. В его руках была деревянная миска, наполненная чем-то наподобие каши.

– На вот, жри! – Он бросил миску на пол. – Жри, говорю, не то крысам достанется.

Иван перевернулся на спину. Тюремщик хмыкнул:

– Доживи до завтра.

– А что завтра, второе пришествие? – пробормотал Иван.

– Нет, пришествие одно, а завтра – за твоей головой.

– Уже, что ли? – прохрипел Иван.

– Да шучу я, – ухмыльнулся тюремщик. – Говорить с тобой желают. Человек важный, от самого царя.

Тюремщик захлопнул дверь. В коридорах еще долго раздавались его гулкие шаги.

Утром Иван очнулся от удара ногой по спине.

– Вставай! – прохрипел в темноте чей-то голос. – Говорить с тобой будут.

Батанов, дьяк посольского приказа, подошел к окровавленному телу:

– Ну как он?

Тюремщик положил железные щипцы в огонь:

– Да пока ломается, но мы эту дурь у него быстро из головы выбьем.

Посетитель в дорогом кафтане, отороченном собольими шкурками, посмотрев на стонущего от боли Ваньку Кольцо, с укором добавил тюремщику:

– Ну, ты это, не перестарайся, смотри. Государь сказал, живой нужен.

Тюремщик удивился:

– Пошто живой-то, государственный преступник же?

– Не тваво ума дело, – добавил Батанов. – Сказано – исполняй.

Тюремщик согласно кивнул и взял ведро с водой. Окатив окровавленное тело, он поднял его за подбородок и заглянул в лицо. Иван замычал.

– Жить будет! – усмехнулся тюремщик.
– Опusti его, – распорядился Батанов, – и усади.
Иван пришел в себя, он замотал головой и открыл слипшиеся от высохшей крови глаза. Батанов улыбнулся:
– Говорить сможешь?
– Смогу, – пробурчал Ванька.
– Ты пошто, поганец, посла ногайского избидел?
– Это не я, – проревел узник.
– Как это не ты? – удивился Батанов.
– Он сам удирал, мы и споймали, – проревел в ответ на обвинения Кольцо.
– Грамоту посольскую ногай показывал? – вновь спросил Батанов.
– Показывал. – Кольцо мотнул головой и закрыл глаза.
– Что ж ты так, голубчик? – с укоризной высказал тюремщику Батанов. – Так и убить мог. Тюремщик, промывав нечто непонятное, вновь выплеснул узнику на голову воду.
– Грамоту, значит, показывал ногай, а ты не послушал.
– По-ногайски не разумею, – прохрипел Иван.
– Каешься ли в сем грехе? – спросил Батанов.
– Да, – прошептал Кольцо. – Каюсь, хочу искупить службой царю.
– Затем и пришел он... – Батанов хлопнул себя ладошами по коленкам. – Хочу искупить службой, – рассмеялся Батанов, словно передразнивая. – Так нет у тебя боле ничего, кроме рук и ног, да вот голова пока еще на плечах. Приведи его в чувство, дай одежду и вы-кини. Пущай к казакам возвращается. Грамота на то царева... – Батанов достал из кафтана свиток, показывая тюремщику.

Тюремщик поднял Ивана под руки и усадил на скамью.

– Как же тебя отделали! – сокрушался он, качая головой и глядя на лицо узника. – Подлечить бы тебя надо. Да вот только я не лекарь. А вот морду твою в порядок приведу.

Он смочил тряпку в деревянной бадье, стоящей тут же рядом, и стал оттирать кровь с его лица.

– Баньку бы, – прохрипел Иван.

– Мало тебя тут в подвалах попарили, – рассмеялся тюремщик. – Баньку он захотел. Нет у нас баньки. Вот выйдешь на волю, в городе и найдешь баньку, чай, гроши-то есть.

– Есть, – кивнул головой Иван.

– Ну и славно, – ответил тюремщик. – Пойдем-ка за мной, я тебе хабар твой верну.

Он подхватил Кольцова под руки и поволок по коридору.

* * *

Иван стоял на каменном крыльце у входа в царские подвалы. Через маленькие окошки, торчащие почти из земли, слышались стоны и душераздирающие крики узников. Тюремщик, что вывел его, смотрел на стоящего на крыльце бывшего узника, жадно вдыхающего полной грудью воздух свободы.

– Ну и иди, иди уже, – рявкнул на него тюремщик. – Другой со всех ног отсюда бежал, а этот стоит. Что за народ?

Он плюнул на крыльцо и затворил за собой массивные, окованные железом двери.

Иван поплелся вдоль улицы. Он брел по устеленной досками мостовой вдоль бескончаемых рядов бревенчатых изб. Из окон выглядывали хозяева и тут же опускали занавесь обратно. Вид оборванного и плетущегося человека с синяками и кровоподтеками на лице пугал обывателей. Наконец он добрал до перекрестка, на котором стоял столбик с иконою Св. Богородицы,

и повернул в проулок. Его глаза застелил туман, и он повалился на пожухлую траву у одного из заборов.

– Машка, Степан, Борис, тащите его в избу, – услышал чьи-то голоса сквозь туман.

Сильные руки подхватили его и куда-то понесли.

Иван очнулся от прикосновения нежных женских рук. Девушка приложила ему мокрое полотенце на лоб. Иван осмотрел избу. Сразу видно, жили тут небогато. Деревянные лавки вдоль стен, на одной из которых лежал он, и стол.

Он протянул руку:

– Спаси тебя Бог.

Девушка смутилась и отошла.

– Лучше тебе?

Она поправила толстую русую косу и улыбнулась как бы невзначай.

– Скоро батя придет с братьями.

Иван кивнул.

– Раны я смазала мазью и перевязала.

Иван только сейчас обратил внимание, что его грудь перевязана вдоль и поперек.

– Кто тебя так, – спросила девушка, убирая с лавки бадью с водой.

– В гостях у царя-батюшки был, – попытался улыбнуться Иван.

– Хорошо царево гостеприимство... – Девушка покачала головой и подошла к печи.

Налив в железную кружку что-то из котелка, она поднесла ее Ивану.

– Как зовут тебя?

Она сначала покраснела, а затем, отведя взор, тихо промолвила:

– Марья Колыванова. Дочь Мелентия Колыванова, что артелью строительной командует.

– А я Иван. Иван Кольцов. Слышала давеча на площади цареvu грамоту?

Девушка усмехнулась:

– Их тут, почитай, кажу пятницу читают царские послы. Какую из них?

– Про хана ногайского, – попытался усмехнуться Иван, но его тело скрутил приступ внезапной боли в груди.

Царский слуга хорошо знал свое дело. Выворачивал кости, не ломая их.

– На вот отвар, выпей, полегчает.

Иван жадно припал к кружке. Горячий отвар принес в тело тепло и облегчение, его глаза стали слипаться, и он погрузился в странный сон.

Он видел слишком странный сон. Большие деревянные птицы плывут по реке, из их клювов исходит адское пламя. Он сидит на лихом скакуне у обрыва огромной реки. Река кипит от крови, и на его новый кафтан попадают ее мелкие капли.

Он проснулся от шума во дворе. Дверь в избу распахнулась, и в нее валились четверо мужиков. Они подошли к иконам и перекрестились. Рассевшись по лавкам, мужики стали о чем-то тихо переговариваться между собой. Иван толком не различал их одеяний и лиц, но двое из них были точно стрельцами. Он узнал это по красному кафтану с берендейками.

Самый старый из них встал и подошел к девице:

– Ну, давай, Марья, показывай нам, что за гость у нас.

Марья откинула занавеску.

– Ох, мать честная, – удивленно прохрипел один из стрельцов. – Это ж Ванька Кольцов.

Хозяин дома повернулся к нему:

– Знаешь его?

Один из мужиков, с рыжей, как солнце, бородой, кивнул:

– Знаю, батя. В ливонскую вместе ходили. Он потом на Волгу ушел.

Хозяин удовлетворенно кивнул:

– Хоть имя знаем.

Хозяин дома, почесав затылок, произнес:

– Я – Мелентий Колыванов, а это сыновья мои.

Мужика с рыжей бородой звали Степан. Он был старшим из трех братьев Колывановых. Он встал из-за стола и подошел к Ивану, не в силах поверить, что тот жив и свиделись они в такой вот обстановке.

– Как же тебя помиловал царь? – спросил Степан.

– Да вона видно, как помиловал, живого места нет, – угрюмо произнес Мелентий. – Хорошо хоть, еще башку не отрезали.

– Ну чего ты, батя, – обидчиво прогудел Степан. – Царь сказал, что если сам явится, помирует. Царь слово сдержал. Хоть так жив остался.

Степан повернулся и прошел к столу. Было видно, что другим братьям не особо нравится присутствие чужого в доме, но деваться некуда. Не бросать же его подыхать в подворотне.

– Марья, поди сюда, – Мелентий кликнул дочь к столу. – Что с ним, когда на ноги встанет?

Марья кивнула:

– За месяц управится, тятя. Он крепкий.

– Дай-то Бог... – Степан повернулся к иконам и перекрестился. Вслед за ним перекрестились и остальные.

– Накрывай на стол, – скомандовал он.

Через несколько минут Марья поставила на стол чугунок с пшенной кашей, небольшую деревянную кадку с квашеной капустой и еще несколько непритязательных на вкус блюд.

– Сегодня без водки, – сердито пробурчал Мелентий. – Дел невпроворот.

– Сенька, сходи, у соседей купи гуся, – он положил на стол несколько медных монет. – С пшенной каши мы гостя на ноги не поднимем.

После обеда Марья помогла Ивану встать. Как ни странно, ноги слушались. Иван сделал несколько неуверенных шагов по горнице и с благодарностью посмотрел на девуцу.

– Спасибо тебе, Марья.

Марья смутилась, но ответила:

– Даст Бог – сочтемся. Идем во двор.

Хозяйство в доме, где приютили казака, было не слишком большое, несколько коз, овец и с десятков куриц, которые вечно путались под ногами, отыскивая какие-то зерна в земле.

Иван вышел на двор еще шатающейся походкой. Марья была рядом. Он вдохнул полной грудью свежий и пьянящий воздух. Но воздух Москвы с ее дымящимися печами изб и боярских палатей был не такой, как на Яике и Волге. Иногда до его носа доносился запах паленой кожи и мяса.

Иван прошел по двору. Соседские мальчишки уже вовсю подсматривали за новым постояльцем в щели забора.

– Брысь бегом отсюда! – Иван погрозил мальчишкам кулаком.

– Сейчас по всей слободке разнесут весть, – добавила Марья.

– Ну а вам-то чего, – усмехнулся Иван, – чай, не беглый. Ну, погостил у царя, скоро домой, к своим, на Волгу.

Он заметил, как после этих его слов Марья как-то приуныла. За две недели, что девушка ухаживала за ним, она словно привязалась к этому чернобровому, статному и крепкому мужику.

Заметив перемену в ее настроении, Кольцо рассмеялся:

– Ну, ты чего, Марья. Влюбилась, поди? Не надо... – Он произнес это настолько серьезно, насколько можно вообще это было сказать.

– Привыкла я к тебе, Иван, – тихо произнесла она. – Тятка с братьями постоянно в делах, я все дни одна в доме. Поговорить и то не с кем.

Кольцо улыбнулся:

– Замуж тебе надо, красавица, пропадает красота девичья. А что я? Я казак, моя сила в сабле.

Иван снова рассмеялся. Он достал из-под пояса кожаный кошель, вытащив несколько монет, он протянул их девушке.

– На-ка вот, возьми за уход, купишь себе на ярмарке подарки.

Марья отрицательно покачала головой:

– Не надо, Иван.

Она развернулась и пошла в дом. Иван сел на крыльцо у дома:

– Вот так дела.

Ему уже не терпелось вернуться к атаману, к казакам, что стояли лагерем на Яике.

– Поспеть бы к сборам, – с печалью произнес он.

Ермак Тимофеевич не знает, что Ванька Кольцо жив. Весть о царском указе до атамана, конечно же, дошла. Именно он уговорил Ивана Кольцова идти в Москву, валяться в ногах у царя, вымаливая прощение. Не бывало такого на земле русской прежде, чтобы вольный казак в ногах валялся, да хоть у самого царя, да хоть у митрополита. Не такой он человек, Иван Кольцо. Наказ атамана он выполнил, но и чести своей не уронил. Едва головы не лишился. А царю головы рубить не привыкать.

Царская опричина беспощадно прошла по русским городам и селениям. Не щадили царевы слуги никого, ни старого, ни малого. Да хоть трижды ты будь князь, да хоть также Рюрикович, а прознает царь, что замыслил кто измену, или навет кто принесет, враз голова на плаху ляжет. Но, слава Господу, успокоился царь, перебесился, все бесы земные вышли из него. Царем-богомольцем стал. А сколько душ невинных сгубил, и не счесть. Но кончилось то время.

Смеркалось. В дом вернулись отец и братья Марьи. Марья тайком поделилась с отцом разговором с Иваном.

Мелентий подошел к Ивану со словами:

– Спасибо тебе, мил человек, за честность и порядочность, за то, что деньги Марье хотел дать. Это благородно. У нас трутней нигде не любят.

Иван приподнялся:

– И тебе, отец, спасибо за дочь, кабы не она, что бы сейчас было.

Мелентий согласно кивнул. Иван посмотрел на мужика и кивнул головой, давая тому понять, что разговор для двоих.

– Я бы сосватал девку, пригожая она, хозяйственная, да сам-то я казак, птица вольная. Дом у меня, где конь остановился. Ну какой из меня жених?

Мелентий кивнул, соглашаясь:

– То оно верно, но и казаку когда-нибудь нужно остепениться.

– Нужно! – словно подтвердил его слова Иван. – Вот сейчас на Кучума сходим, Сибирь под свою руку возьмем, тогда и о женитьбе можно подумать.

– Хорошо, – Мелентий утвердительно кивнул.

– Постой, Иван! – К ним подлетел младший из братьев. – Сибирь пойдете воевать?

– Тебе чего не сидится дома? – рявкнул на него отец.

– Надоело, батя! – обиженно фыркнул тот.

Строгановы: Аки Христос посуху

Аки Богородица явила миру Спасителя, так и ясно солнышко поднялось из-за Урал-камня, окрасив мрачные деревянные скаты крепости-ostroга Орел-городка в золотой цвет своими теплыми летними лучами. Закукарекали на подворьях петухи, забрежали во дворах псы, провожая хозяев на труды праведные. Уже почти сто лет был Орел-городок оплотом власти торговых людей Строгановых и русской экспансии по всей Камской Перми.

На старой деревянной пристани, что стояла на излучине Айвы, было непривычно шумно. Бурлаки, тянувшие баржу с хабаром по реке, стояли на берегу, о чем-то оживленно спорили и ругались. Максим спустился ближе и прислушался.

– А я тебе говорю, видел всадника. У самой реки. Коня поил.

– Брехун ты, Брошка, – усмехнулся старый бурлак и ударил бедолагу тонким прутом по голове.

Бурлаки взялись дружным смехом. Брошка, не на шутку разозлившись от такой досады, выхватил из рваной наплечной сумки деревянную ложку и в ответ ударил старого бурлака по лбу. Ссора готова была перерасти в потасовку.

– Видел, говорю, клянусь Николаем Угодником! – Брошка вскочил с пня и засучил рукава, готовясь к драке.

Старик отвернулся:

– Все равно тепло.

Ватага бурлаков опять взвилась дружным смехом.

– О чем спорим, молодцы? – Максим спустился к ватаге. – Али веревку не поделили?

– Барин, – бурлаки дружно встали и отвесили поклон.

– Так о чем спорим?

Бурлаки вытолкнули Брошку вперед.

– Говори, не робей.

Брошка пригладил ладонью взъерошенную рыжую копну волос на голове.

– Тащили когда баржу, намедни у поворота видел конного татарина.

– Да брешет он, – встрял в разговор один из бурлаков. – Всю дорогу тихо было, иначе бы налетели нехристи, продыху не дали.

– Погоди, не встревай, пусть доскажет. – Максим сделал Брошке знак.

Брошка кивнул и продолжил:

– Так у поворота, где заливчик небольшой, татарин спустился к реке, коня поил. А как увидел, что я его заметил, сразу в лес сиганул.

Максим задумался:

– Пожаловали гости. Одного всадника видел?

– Одного, одного... – И Брошка закивал головой.

Максим посмотрел на другой берег Айвы.

– Тут они не пройдут, переправы нет, да и к реке им всем не спуститься, значит, татары перейдут ниже по течению.

Противоположный берег реки и впрямь был усыпан небольшими скалами, поросшими лесом, и река в этом месте была глубокой. Течение ровное, спокойное, оттого и глубокое.

– Ну, отдыхайте пока, но нужно будет товар в крепость перенести, пока татары не нагрянули.

– А так чего им торопиться-то, – весело произнес один из бурлаков, – знают, поди, нехристи, что в крепости пушки есть.

– Пушки-то есть, – подтвердил Максим, – да только всех пушек может не хватить.

– Оно верно, – согласился бурлак. – А ну, ребята, кончай перекур, айда товар с баржи сгружать.

Максим махнул рукой. На башне крепости его сигнал заметили и выслали несколько подвод с посадскими людьми. Пока разгружали с баржи и грузили на телеги, Максим отозвал Брошку, чтобы потолковать о происшествии поподробней. Рядом с младшим Строгановым стоял всадник, готовый рвануться по первому приказу, неся вести о татарском налете в Канкор и Чусовские городки. Но татар пока не было. А молодой бурлак Брошка мог и ошибиться. И все же надо бы быть настороже.

Три месяца прошло, как государева грамота ушла на Волгу к атаману Ермаку. Придет ли Ермак Тимофеич? Эта мысль терзала сердце Максима. Он уже самолично собрал двести пятьдесят рейтеров из немчуры, беглых стрельцов и прочего сброда, вооружил их в подмогу казакам. Сейчас рейтеры столовались в Орел-городке, принося ему некоторые убытки. Мало того что это разномастное воинство жрет, пьет да у девок посадских подолы задирает. Брат в Канкоре тоже людишек в подмогу Ермаку собрал.

Разгрузку баржи закончили. Максим удовлетворенно хмыкнул:

– Под защитой стен груз сохранится да прибыль принесет в свое время.

Он вернулся в крепость. На мощеном дворе у посадского кузнеца Савки шла потасовка. Несколько здоровых мужиков прижали худого рыжего паренька к срубам крепостной башни. Парень, схватив оглоблю, отчаянно размахивал ею, стараясь не подпустить противников ближе. Максим сразу узнал задиристого молодого Брошку. Положение бурлака становилось все отчаянее. Один из посадских зашел Брошке сбоку и отбил его жердь ударом такой же палки. Толпа кинулась на паренька.

«Сейчас уделают до смерти», – мелькнула мысль у Максима.

Он разом подскочил к нападавшим и рванул одного из них за воротник рубахи. Налитые яростью глаза мужика, увидев перед собой хозяина, тут же смиренно опустились.

– Стоять всем! – закричал Максим.

Мужики остановились и повернули головы.

– Максим Яковлевич, – смиренно пробурчали посадские.

Их воинственный пыл сразу слетел, и они склонили головы. Брошка, увидев Строганова, с которым давеча разговаривал, сразу повеселел.

– Что натворил он? – спросил Максим.

– Да до дочери его дорывался, – хмуро ответил один из посадских, указывая на мужика, стоящего рядом.

– И как, дорвался? – усмехнулся Максим.

– До батоков дорвался, – улыбнулись посадские.

– Ступайте с Богом, мужики!

Максим подошел к Брошке.

– Дурья твоя голова, ведь убить могли.

Брошка выпустил из рук жердь и сел, прислонившись спиной к бревнам стены.

– Могли, барин, – улыбнулся он. – Да только я просто так не дамся.

Максим усмехнулся:

– А ты боевитый парень.

– Как есть, барин! – Брошка посмотрел на башню. – Чего только толку, лишь лямку тягать.

– Пойдем со мной, – улыбнулся Максим.

– Куда еще? – покосился на него Брошка.

– К делу тебя приставлю.

Двор Максима Яковлевича стоял в центре Орел-городка. Огромные тесаные бревна образовывали внутреннюю крепостную стену, за которой стояли двухэтажные хоромы. Хоромы

младшего Строганова также не отличались особым изяществом. Все было построено таким образом, чтобы можно было держать осаду, даже если внешняя крепостная стена падет. Под хоромы были вырыты подвалы, в которые можно было заехать на лошади, спустившись к воротам по дощатому помосту.

Зайдя во двор, Максим, окликнул мужика, возившегося с чем-то внутри оружейного сарая. Прохор, мужик, управляющий оружейным и пушечным зарядом в поместье младшего Строганова, тут же подбежал к хозяину и поклонился.

– Слушаю, Максим Яковлевич.

– Вот что, Прохор... – Максим толкнул Брошку вперед. – Даю тебе парня, обучи огнестрельному искусству и как с саблей управляться.

Прохор молча кивнул. Он уже понял, для чего Максиму нужен этот рыжеволосый парень.

– Ну, иди с Прохором и будь расторопней, ежели ляжку вновь тянуть не хочешь.

Брошка улыбнулся и шагнул навстречу Прохору.

– Пошли, вояка... – И Прохор показал Брошке, куда идти.

* * *

Спустя один месяц Ерофей постучался в массивную дверь.

– Заходи, – раздался грубый мужской голос.

Брошка толкнул дверь и очутился внутри просторной горницы. У открытого окна стоял стол, заставленный всякими яствами. За столом сидели несколько мужиков. Двоих Ерошка признал сразу: Максим Яковлевич и брат его Никита из Канкора. Трое других ему были незнакомы. Особенно выделялся из них чернобровый статный мужик с роскошной бородой. Он словно сошел с ликов святых икон. Его карие глаза излучали силу духа и в то же время душевное доверие. В отличие от других сидевших за столом людей бородатый мужик не участвовал в их разговоре. Он лишь коротко отвечал на задаваемые ему вопросы.

– Заходи, Ерофей... – Максим дал знак стоящему в дверях парню.

Ерофей осторожно прошел в горницу, но сел за соседний пустой стол. Максим налил из кувшина медовухи в железную кружку и кликнул служанку:

– Евдокия, подай гостю.

Толстоватая служка, виляя упитанной задницей перед гостями, взяла кружку и поставила Ерошке на стол, также на его столе оказались солонина и пироги с капустой. Брошка расстегнул ворот рубахи и перекрестился.

– Пей за гостей наших! – Максим поднял бокал. – Вот по правую руку от меня – Ермак Тимофеич, знатный казачий атаман. А по левую руку тоже атаман, только рангом поменьше. – Максим рассмеялся. – Поменьше, да кусает столь же ладно.

– Ладно тебе, купец, – проревел второй атаман. – Иван Кольцов я.

Максим вновь наполнил кубок вином и показал на Брошку.

– Вот человек мой доверенный, с вами, казаки, пойдет.

– Соглядатаем твоим, а, Максим? – усмехнулся Иван Кольцо. – Не доверяешь?

– Обижаешь, атаман, – улыбнулся Максим. – С бурлаков парня взял. Обучил с саблей и пищалью обращаться. Пусть в деле себя покажет, а вернется живой и со славой, к себе на службу возьму.

– А не жалко тебе человека своего? – подал голос Ермак. – Дело сложное, чай, не крестный ход.

Максим опрокинул стакан:

– Знаю, атаман. Такова воля государева.

– Знаем мы, чья это воля! – прохрипел уже захмелевший от вина Кольцов. – Ты же, Максим, с братом своим и ездил в Москву с грамотой к царю.

Максим и Никита переглянулись.

– То верно, казаки, и не скрываем. А доколе татарам деревеньки наши жечь да люд православный в полон угонять? Давеча на Чусовой три хутора да с десятков выселок разорили басурмане. Всех порубили, даже детишек. – Максим отвернулся и сплюнул в открытое окно. – Да и пора вере Христовой за Урал-камень прийти.

– Про веру верно молвил, Максим! – Ермак поднялся со своего места. – Но и карман свой не забыл.

Максим рассмеялся:

– Так и вы, казаки, что возьмете в тех местах, все ваше, ну акромья земельки, конечно. Земля, она государева, разумеется.

– Складно поешь Максим, ох и складно... – Ермак осушил бокал. – Припасов сколько дашь?

Максим взял с тарелки щепоть квашеной капусты и отправил в рот. Капуста захрустела у него на зубах.

– Все берите. Себе для обороны городка оставлю немного, остальное – ваше. Вот те крест. – Максим и Никита встали из-за стола и, повернувшись к иконостасу, трижды перекрестились.

– Добро, купцы! – прогремел Ермак. – На том и порешим, да собираться в поход будем.

– Иван, принимай к себе молодца! – Ермак указал на Брошку.

Казаки сидели на бревнах, тихо переговариваясь между собой. Грядущая экспедиция несла в себе не только большие риски, но и хорошие прибыли.

Ермак и Максим стояли на пристани, наблюдая, как казаки и челядь грузят на струги пушки и заряд. Небо затянуло тучами, и накрапывал мелкий дождик. Камское лето было влажным и холодным, совсем не таким, как на Волге и Яике. Несколько стругов вытянули на берег, и посадские смолили днище. Из крепости приехали еще несколько подвод с порохом и пушками.

– Кажись, все, – довольно хмыкнул Максим. – Считать будешь? – Он повернулся к Ермаку.

– Да чего уж там, – буркнул Ермак. – И так вижу, что слово свое сдержали. Тепереча и наш черед.

Максим подошел к подводам и проверил, как укрыт порох. На одной из телег он заметил, что полог, укрывавший груз, был небрежно закинут сверху. На пищали тонкой струйкой стекала вода.

– Я тебе что говорил? – Он ударил кончиком жезла прямо в лоб сидевшего на подводе мужика. – Порох и оружие укрывать лучше.

Мужик жалобливо скуксился:

– Прости, барин. Виноват.

Он спрыгнул с подводы и начал заделывать щели.

– Еще денька три, и пойдем... – Ермак подошел к стругам на берегу.

– Сколько еще чинить? – спросил он у мастера, руководившего ремонтом.

– Дня два, и управимся, – пролепетал мужик.

– Дай-то Бог, – отвернувшись, ответил Ермак.

Он прошел вдоль остальных стругов и осмотрел уже проделанную работу. На колокольне в Орел-городке зазвенел колокол, призывая посадских к вечерней трапезе.

Ерошка и Иван Кольцов сидели на бортах стругов и смотрели в темные воды Айвы.

– Сам-то откуда? – спросил Иван.

– С Москвы.

– Вот так да! – удивился Кольцов. – Был я давеча в Москве, в гостях у царя.

Ерошка улыбнулся:

– И как тебе царь?

Кольцов сначала ухмыльнулся, а потом произнес:

– Цари, они, Ерофей, все одинаковы. Сначала в гости зовут, а потом на цепь сажают.

Он произнес это так, словно побывал в гостях у всех царей в мире и на основании своего горького опыта сделал такой вывод.

– Пошто на цепь-то? – В глазах Брошки мелькнуло изумление. – Натворил чего?

– Натворил... – Иван кивнул головой. – Натворил, да так, что устал расхлебывать. Ложка мала оказалась.

Ерофей опустил голову:

– Жалеешь, что пошел в гости к царю?

– Тут, Ерофей, желей, не желей, а идти надо, иначе спустит царь шкуру да на забор вывесит, – горько молвил Кольцов.

– Ну, дай Бог, обошлось... – Ерошка перекрестился.

– А ты из чьих в Москве будешь? – спросил Иван.

– Из посадских я, – ответил Ерофей. – Колыванов сын. У бати моего строительная артель.

Перед глазами у Кольцова всплыл знакомый образ Марьи, которая заботливо выходила его после царских казематов.

– А сам как здесь оказался? – продолжал расспрос Иван.

– Да как оказался, – горестно заметил Ерофей, – связался с ватажниками лихими. Ходил за Урал-камень вогульские святилища брать.

– Ну и много богатств набрал? – усмехнулся Кольцов.

– Да вот на бурлацкую лямку и натянул? – горестно произнес Ерошка.

– Знаешь дороги за Камнем?

– Не, – Ерофей помотал головой, – мы по зиме ходили, на нартах и оленях. Места там дикие и непроходимые, только олени вывезут, с лошадьми пропадешь.

– Ну не скажи, – рассмеялся Кольцов, – хороший конь везде вывезет, это я как вольный казак тебе говорю.

– Тут уж как повезет, – заметил Ерошка.

– Ладно, Ерофей, айда ужинать, – подмигнул Кольцов, вставая с борта струга. – Делов много завтра у нас.

Иван Кольцов не стал рассказывать Ерофею Колыванову, как очутился в их доме после царских подвалов, как сестра его Марья заботливо выходила изувеченного казака. Придет время, расскажет. А пока он возьмет под опеку младшего Колыванова. Мелентий будет рад, что сына к делу приставил.

В старой часовне, что у восточной стороны крепостной стены, раздавалось зычное пение священника. Казаки, сняв папахи и шапки, молча стояли, склонив головы. Священник, сотворив очередную молитву, снял с аналая икону святого Георгия и стал обносить ее меж казаков.

Три раза перекрестившись, Максим вошел в храм. Ермак стоял посреди своих воинов, воздев взор на иконостас.

– Ермак Тимофеич, – Максим дернул его за полы кафтана, – дело важное.

Ермак склонился на Строганова и буркнул:

– Ну, чего еще?

– Крестьяне с хутора поймали татарина.

– Разведчик, что ли? – удивленно прошептал Ермак.

– Нет, – улыбнулся Максим, – заплутал и вышел на хутор. Тут его мужики и повязали. Ослаб совсем.

– А куда ехал?

– А пес его знает.

– Пошли. – Ермак, перекрестившись, потянул Максима за собой.

Унемэ сидел в горнице со связанными за спиной руками. Крестьяне надавали ему хороших тумачков.

Ударили жердиной по руке так, что левая рука отсохла. Накинули петлю и сдернули с коня. Умение метко стрелять из лука и ловко орудовать ножом ему не помогло. Скрутили, словно пойманную в силки куропатку.

Вокруг было темно, лишь свет свечи на большом тесаном столе освещал пространство вокруг. В дальнем углу, у самого потолка, на полочке с белым полотенцем стояли расписные дощечки.

«Бог московитов», – он понял это сразу, как увидел их.

Двери внизу скрипнули, и по лестнице загремели грузные шаги. Унемэ напрягся. Московиты... Выбитая рука до сих пор отдавала болью. Сердце бешено колотилось, но Унемэ не собирался в чертоги Номии-Торума. Он не затем проделал к московитам столь длинный путь. И разграбленное вогульское святилище не имело сейчас для маленького охотника значения. Он хотел вернуть то, что принадлежало ему по праву, кареглазую Эви. Карача должен получить по заслугам, даже если Унемэ придется привести московитов на вогульские земли.

Дверь распахнулась, и горницу ввалились три московита. Один из них подошел к столу и зажег все свечи. В горнице стало светло. Теперь Унемэ смог разглядеть их. Один из них, с черной бородой, был словно великан по сравнению с остальными. Через плечо у него был перекинут широкий ремень, на котором висела сабля. Другие же меньше ростом. Один из них вытащил из-под стола лавку и уселся на нее, расставив ноги.

– Это он, Ермак Тимофеич, – сказал московит, сидевший на лавке.

Московит-великан, которого остальные называли Ермак Тимофеич, подошел и склонился над связанным Унемэ.

– Кто таков? – словно проревел он.

Унемэ жестом показал ему, что не может говорить со связанными руками.

– Ерофей, развяжи ему руки и усади, – распорядился человек с лавки.

– Максим Яковлевич, опасно.

– Да куда он денется. Если уж мужики-крестьяне его с коня сами сняли.

– Ай да татарин, – рассмеялся Ермак, – с мужиками справиться не смог. Как Кучума собрался защищать?

– Я не татарин, – прохрипел Унемэ.

Лицо Максима Строганова приняло озадаченный вид.

– Как не татарин? А одежда и сабля были татарские. Ты чего нам заливаешь? Сейчас прикажу мужикам на конюшню тебя свести, всыпят плетей пятьдесят, быстро вспомнишь.

– погоди, Максим, – прервал его Ермак. – Не татарин, говоришь? – Ермак посмотрел Унемэ в глаза. – И впрямь, – добавил Ермак, – морда-то не слишком татарская, хотя похожа. Спутать сдуру не мудрено. Так кто же ты? – повторил вопрос Ермак.

Унемэ растер затекшие от веревки руки и посмотрел на московита-великана. В его глазах не было ярости или злобы. Они больше напоминали глаза шамана. Добрые и мудрые.

– Я вогул! – ответил Унемэ. – Охотник.

– А к нам зачем пришел? – спросил Максим.

Унемэ покрутил головой.

– Дело у меня к московитам.

– Вот как? – удивился Ермак. – И какое же дело у тебя к нам.

Унемэ опустил голову, а потом вновь поднял ее и посмотрел на Максима.

– Знаю, что московиты на сибирского хана война идут. За Урал-камень на стругах.

– Ну-ну, – подначил его Ермак. – Откуда знаешь?

Унемэ усмехнулся:

– Ветер вогул принес.

– И татары знают?

Унемэ вспомнил: в деревню принесли весть, что татарский дворянин Улугбек вернулся из Бухары.

– Знают, – уверенно ответил Унемэ. – Мурза Карача посылал своего человека с посланием от Кучума в Бухару.

Ермак сел на лавку рядом с Максимом.

– Врет али не врёт этот вогул, нам без разницы. Все равно пойдем. Да и куда там Кучуму против наших ружей.

– Верно, – ответил Максим, – но поторопиться надо.

– Да, мешкать не будем, – утвердительно кивнул Ермак.

– Эй, вогул, – окликнул Максим. – Так зачем к нам шел?

Унемэ выдавил из себя улыбку:

– Проводником у вас буду. Поведу по нашим землям до татарских улусов.

– Тебе-то с того какая корысть? – спросил Ермак.

– Мурза Карача продал в рабство мою невесту Эви. – Унемэ замолчал. – Люди сказали, ее с караваном увезли в Бухару. Я никогда ее не увижу больше. Я отомщу Караче. Вырежу его сердце и брошу его волкам.

Ермак наклонился к Строганову:

– Похоже, не врёт вогул.

Максим кивнул:

– Похоже. Карача частенько грабил вогульские селения, а жителей отдавал в рабство. Не первый раз о бесчинствах Карачи от местных народцев слышу.

– Может, в помощь нам будут? – осторожно спросил Ермак у Максима Строганова.

– Кто и будет, а кто – нет. Иные племена с Карачей в дружбе. Ну, один проводник у нас есть.

– Да, ненависть – хорошее свойство. – Ермак пригладил густую черную бороду и посмотрел на Унемэ. – Как минимум одного кровника Карача себе нажил.

– Слушай, вогул, – Максим присел на корточки, – а какие еще из племен ваших с Карачей не в ладах?

Унемэ улыбнулся:

– До Камня можно смело идти. Люди Вотлы презирают татарского мурзу.

– Вверх по Чусовой на стругах пойдем до Камня, а потом волоком до Тагил-реки струги придется тащить... – Ермак развернул карту, где тонкими линиями были обозначены сибирские реки.

– Управитесь ли с волоком сами? – Максим удивленно посмотрел на Ермака. – Чай, не телеги из грязи тащить.

– С Божьей помощью! – Ермак повернулся к иконам и перекрестился. – Лес там же рубить будем. А где и его народец поможет.

– Поможет, а, вогул?

Унемэ кивнул. Московиты были его единственной надеждой вытащить Эви из рабства Карачи.

– Жиру в бочках достаточно заготовили. До Тагил-реки хватит. Обмажем бревна и как-нибудь с Божьей помощью управимся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.